

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

том 8 № 5

Москва

2011

Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – член-корр. РАО, д.пс.наук, профессор Зинченко Ю.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, проф. Акопов Г.В.
д.пс.наук, проф. Аллахвердов В.М.
член-корр. РАН, д.пс.наук, проф. Величковский Б.М.
д.пс.наук, проф. Дебольский М.Г.
д.пс.наук, проф. Забродин Ю.М.
д.пс.наук, проф. Караяни А.Г.
член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Карпов А.В.
д.биол.наук, проф. Киной В.Н.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Климов Е.А.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Малюфеев Н.Н.
д.пс.наук, проф. Марьин М.И.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Нечаев Н.Н.

д.пс.наук, проф. Перельгина Е.Б.
д.пс.наук, проф. Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, проф. Рубцов В.В.
член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Реан А.А.
д.пс.наук, проф. Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, проф. Скрипкина Т.П.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Фельдштейн Д.И.
д.пс.наук, проф. Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Шадриков В.Д.
д.филос.наук, проф. Шкуратов В.А.
д.пс.наук, проф. Шмелев А.Г.
канд.пс.наук Шойгу Ю.С.

Редакционная коллегия

член-корр. РАО, д.пс.наук, проф. Абакумова И.В.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Асмолов А.Г.
д.пс.наук, проф. Базаров Т.Ю.
академик РАО, д.биол.наук, проф. Безруких М.М.
д.пс.наук, проф. Богоявленская Д.Б.
д.пс.наук, проф. Берберян А.С.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Деркач А.А.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Донцов А.А.
академик РАО, д.пс.наук, проф. Дубровина И.В.
член-корр. РАН, член-корр. РАО д.пс.наук,
проф. Журавлев А.Л.

член-корр. РАО д.пс.наук, проф. Егорова М.С.
академик РАО, д.биол.наук, проф. Ермаков П.Н.
(заместитель главного редактора)
д.пс.наук, проф. Измайлов Ч.А.
д.пс.наук, проф. Лабунская В.А.
д.пс.наук, проф. Леонова А.Б.
д.пс.наук, проф. Сергиенко Е.А.
д.пс.наук, проф. Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, проф. Цветкова Л.А.
dr. Technische Universität Dortmund Kittler Udo
as. prof. Technische Universität Dortmund
Menjeritskaya Julia

Ответственный секретарь – Белугина Е.В.

Выпускающий редактор – Попова Л.В.

Компьютерная верстка – Кубеш И.В.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, 13, ком. 243,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Адрес учредителя:

ул. Ярославская, 13,
г. Москва, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: rpo@psychology.ru

Каталог Роспечати «Газеты, Журналы». Подписной индекс 46723.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ

4

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ: П.Н. ЕРМАКОВ

7

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ**Ободкова Е.А., Новиков В.В.** Социально-психологическое управление в период глобализации

9

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ**Брижак Э.И.** Психолого-правовые проблемы совершенствования предварительного следствия по делам, рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей

17

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ**Беломестнова Н.В.** Естественно-системные основания строения психики

24

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА**Попова Л.В.** Противодействие экстремизму в пространстве интернета

36

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ**Алимова Е.Е.** Ценностно-смысловые барьеры педагогов-руководителей в процессе повышения квалификации: проблема интерпретации и типологии

41

Балакина А.А. Особенности отношения к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов

50

Белоконь И.А. Психологические особенности трансформации смысловой сферы в период получения дополнительной квалификации

56

Павлова Т.А. Оценка готовности и способности проводников к корректному взаимодействию с пассажирами

62

Денисова И.А. Частотно-пространственное распределение биоэлектрической активности коры мозга при музыкальной творческой деятельности у музыкантов

69

Статья ретрагирована article retracted 04.10.2018
Статья ретрагирована article retracted 04.10.2018
Статья ретрагирована article retracted 04.10.2018

НАШИ АВТОРЫ

Ободкова Евгения Александровна

заведующая кафедрой социологии и психологии Государственной академии промышленного менеджмента им. Н.П. Пастухова (ГАМП), бизнес-тренер, кандидат психологических наук

Служебный адрес: ул. Республиканская, д. 42/24, г. Ярославль, 150040

Служебный телефон: +7 (4852) 32–03–64; факс: 30–36–15
E-mail: obodok@mail.ru

Новиков Виктор Васильевич

заслуженный деятель науки РФ, президент МАПН, научный консультант кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ, профессор, доктор психологических наук

Служебный адрес: ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150000

Служебный телефон: +7 (4852) 72–82–56, 79–77–02; факс: 25–57–87
E-mail: rectorat@uniyar.ac.ru

Брижак Зинаида Игоревна

доцент кафедры военной психологии и юридической психологии Южного федерального университета, руководитель отдела профессионального развития (учебный центр) следственного управления Следственного комитета РФ по ростовской области, капитан юстиции, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 229, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 243–06–11
E-mail: brigak_zinaida@mail.ru

Беломестнова Нина Васильевна

доцент кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук

Служебный адрес: наб. р. Мойки, д. 48, корп. 11, г. Санкт-Петербург, 191186

Служебный телефон: +7 (812) 314–22–28

E-mail: belomestnovanina@bk.ru

Попова Лариса Владимировна

преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 243, г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 243–15–17; 230–32–37

E-mail: larisa2210@bk.ru

Алимова Елена Евгеньевна

проректор по учебно-методической работе, доцент кафедры педагогики ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Служебный адрес: пер. Гвардейский, 2/51, пер. Долмановский, г. Ростов-на-Дону, 344011

Служебный телефон: +7 (863) 269–49–16

E-mail: alimova@roipkpro.ru

Балакина Анна Андреевна

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 234,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: anette9@mail.ru

Белоконь Ирина Александровна

преподаватель Института психологии, управления и бизнеса Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 218а,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 221–10–23

E-mail: ibelokon@mail.ru

Павлова Татьяна Анатольевна

специалист по управлению и оценке персонала ООО «СервисТрансКлининг»

Служебный адрес: ул. Б. Почтовая, д. 18/20, стр. 3,
г. Москва, 105082

Служебный телефон: +7 (495) 649–10–45 (доб. 142)

E-mail: t.pavlova@stclean.ru

Денисова Ирина Анатольевна

старший лаборант кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии Южного федерального университета

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 218а,
г. Ростов-на-Дону, 344038

Служебный телефон: +7 (863) 230–32–37

E-mail: limpopo-is@yandex.ru

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ: П.Н. ЕРМАКОВ

Вице-президенту Российского психологического общества, заместителю главного редактора нашего журнала, члену-корреспонденту РАО, декану факультета психологии Южного федерального университета, профессору Павлу Николаевичу Ермакову присуждено почетное звание действительного члена (академика) Российской академии образования!

Дорогой Павел Николаевич!

Редакция «Российского психологического журнала» и наши читатели поздравляют Вас с этим знаменательным событием. Ваша профессиональная и общественная деятельность всегда была направлена на благо отечественной психологической науки. Ваши труды – исследования межполушарной асимметрии головного мозга, психофизиологических механизмов высших психических функций, психофизиологических факторов оптимизации и функционирования коллективов и малых групп, психолого-педагогических проблем образования – способствовали развитию отечественной психофизиологии и инновационной педагогики.

Ваша деятельность в качестве члена экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Минобрнауки РФ; члена Президиума Учебно-методического объединения по психологии университетов России вносит вклад в развитие системы российского образования.

Ваши выдающиеся организаторские способности, направленные на создание научно-практических проектов и программ, проведение международных и всероссийских конференций, создание Ростовского регионального отделения Российского психологического общества, создание и развитие «Южно-российского центра толерантности и профилактики насилия и экстремизма» способствуют объединению психологов в решении актуальных проблем современности и формированию установок толерантности в современном обществе.

Редакция «Российского психологического журнала» благодарит Вас, Павел Николаевич, за чуткое руководство и желает Вам здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов и свершений.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ободкова Е.А., Новиков В.В.

Социально-психологическое управление в период глобализации

Глобализация – это комплексный социальный процесс, имеющий всепроникающий характер и видоизменяющий весь мир. Глобализация на процесс управления обществом (группой, личностью) оказывает неоднозначное влияние. Необходима ревизия системы управления, в том числе социально-психологической, для равномерного и эффективного распределения «плодов» глобализации.

Ключевые слова: глобализация, эффекты глобализации, управление обществом, социально-психологическое управление, психологическое управление.

Глобализация – это комплексный социальный процесс, имеющий всепроникающий характер и видоизменяющий весь мир. Мы говорим о глобализации, подразумевая изменение общества, стиля жизни людей, интенсификацию всех процессов, сокращение географических дистанций [8].

В последнее время понятие «глобализация» стало центральным в экономических, политических, социологических, психологических и других сферах жизни общества, поэтому исследование социально-психологического управления в период глобализации вызвано вполне объективными причинами:

- 1) глобализация – феномен мирового масштаба;
- 2) глобализация общественных систем (политическая, идеологическая, социокультурная, национальная и т. д.) в этнических группах, социальных стратах, государстве и др.;
- 3) процессы глобализации в малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.);
- 4) личностная глобализация (ценности, образ мышления и пр.).

Как показывает опыт развития культуры и особенно последний мировой кризис, мировая цивилизация имеет характер глобальной системы, состоящей из подсистем, которые находятся во взаимовлиянии на всех уровнях процесса глобализации.

Полагаем, глобализация на процесс управления обществом (группой, личностью) оказывает неоднозначное влияние, как позитивное, так и отрицательное. Опишем эффекты глобализации, с нашей точки зрения, значимо сказывающиеся на процессе управления обществом (группой, личностью):

– во-первых, структуризация и систематизация системы управления (упорядочивание действий различных государств, социальных групп, общностей);

- во-вторых, утрата странами, включенными в процесс глобализации, своего суверенитета, традиционных функций государственного управления обществом и экономикой;
- в-третьих, изменение механизмов в жизнедеятельности национальных социумов;
- в-четвертых, формирование «однополярного» мира (более сильные страны задают направление глобализации);
- в-пятых, главенство либеральной основы в культуре и социальной жизни;
- в-шестых, монополизация информационного пространства и информационных ресурсов, глобализация криминальных отношений, использование терроризма как инструмента политики глобализации.

Важность, актуальность изучения управления, в том числе социально-психологического, и неоднозначность процесса глобализации в целом прокомментировал лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц: «... чтобы плоды глобализации распределялись более равномерно, необходима, прежде всего, коренная ревизия системы управления, т. е. руководящих и контролирующих структур международных экономических институтов...» [9].

Проблемы социально-психологического управления в период глобализации связаны с процессом, в ходе которого стираются границы социальных и культурных систем, происходит превращение мира в единое целое. Глобализация открывает границы не только для торговых, финансовых, политических и т. д. потоков, укрупняя транснациональные корпорации и пр., но и неизбежно диктует по-новому смотреть на процессы управления, в том числе социально-психологические: человеком, группой, обществом, изменяя способы, методы и приемы управления.

Из всех отношений, связывающих отдельные общества в единую систему, мы вычленили социально-психологические, а именно: социально-психологическое управление для подробного раскрытия. Выбор предмета нашего анализа обусловлен тем, что социально-психологические отношения глобализации больше всего влияют на все характеристики (экономические, культурные, политические, экологические и т. д.) глобализации как феномена мирового масштаба. Социально-психологические аспекты, начиная от личного уровня глобализации и заканчивая мировым, значимы, т. к. взаимоотношения людей, общностей и т. д. в современном мире как никогда интенсивны, плотны и проблематичны. Обращение внимания на обусловленные целостностью мира социально-психологические тенденции, связанные с развитием личности, общества и т. д., заслуживают научного внимания, поскольку напрямую связаны с положением человека в современном мире.

Проблема психологического управления с давних пор привлекает внимание ученых и практиков всего мира, в том числе ученых России.

В царской России, Советском Союзе первых лет его существования преобладали психологи гуманистического направления. В особенности много внимания

они уделяли психологическому оздоровлению русского народа и научной организации труда (В.М. Бехтерев, С.А. Гиллерштейн, К.М. Керженцев, А.Ф. Шнирман, А.Н. Почтарева и др.).

Позднее обращение к психологическим аспектам управления было связано с движением НОТ и взрывом общественного интереса к инженерной психологии. Один из современных классиков отечественной психологии Б.Ф. Ломов отмечал, что использование достижений психологии «в общественной практике становится важнейшим условием роста производительности и улучшения качества труда, повышения эффективности производства и управления, развития техники и технологии, совершенствования общественных отношений, улучшения качества идеологической работы, воспитания и образования новых людей, формирования нового человека» [2]. Подчеркивалось, что конечной практической формой психологического исследования должен выступать процесс изменения, воздействия, оптимизации конкретной деятельности, общения, управления, функционирования организации в самом широком смысле этого понятия.

Современный этап развития психологического управления можно назвать интегративным, т. к. он включает ряд различных и, на первый взгляд, взаимно противоречивых концепций, превращающих науку управления в некое искусство, которому, тем не менее, можно и нужно учиться [10].

Отечественные экономисты, философы, юристы, социологи, психологи (А.Г. Аганбегян, В.Г. Афанасьев, Д.М. Гвишиани, А.В. Карпов, А.И. Китов, Г.Х. Попов, В.Ф. Рубахин, А.В. Филиппов и др.) внесли значительный вклад в разработку теории управления процессами функционирования общества и его народного хозяйства. Они раскрыли интегративный характер управленческой деятельности, включающий такие аспекты, как политический, экономический, организационно-технический, административно-правовой, социальный, психологический и др.

Эти аспекты представлены в различных соотношениях на всех основных уровнях управления: общество в целом, отрасль народного хозяйства, регион, объединение, предприятие, коллектив.

Аспекты управления – это, своего рода, абстракции. Большинство практических проблем управления интегративные, в реальном управлении все признаки, присущие управлению любой организации, переплетены в разных аспектах, взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга.

Выделение аспектов управления целесообразно только в целях углубленного теоретического анализа проблем. Нами рассматривается лишь один аспект управления – психологический, который неминуемо связывается с социальным, т. к. объект управления – общество, организация, группа и т. д.

Такой интегративный подход к психологическому управлению как объединению различных аспектов, методов, техник, подходов, положений и т. д. с целью обеспечения процесса «конструктивного» движения психологического знания, связанного с его применением на практике, является новым и актуальным для современного состояния психологической российской науки.

В нашей стране было немало интересных публикаций по социально-психологическим проблемам управления. Благодаря исследованиям О.И. Зотовой, А.Л. Журавлева, Е.С. Кузьмина, В.И. Михеева, А.Л. Свенцицкого, А.В. Филиппова и некоторых других ученых сложилась оригинальная теория социального управления. В ее основу положено три методологических вывода:

- 1) социальное управление есть важнейший структурный элемент системы экономического управления;
- 2) необходимое условие социального развития и самоуправления организацией;
- 3) социальное управление есть специфическая управленческая деятельность.

Учитывая многогранность, интегративность, глобальность психологического управления, мы намерены рассматривать те его аспекты, которые в большей степени оказывают влияние на эффективность управленческой деятельности и имеют теоретико-практическое значение.

Тема социально-психологических отношений, в частности, социально-психологического управления в период глобализации как комплексного социально-психологического феномена недостаточно изучается научным сообществом. В социалистическом обществе тема не затрагивалась вовсе по идеологическим причинам, в перестроечное и постперестроечное время тема не раскрывалась в силу незрелости научного методологического потенциала и интеллектуальных ресурсов [7].

Таким образом, тема социально-психологических отношений, в частности, социально-психологического управления в период глобализации нас привлекает по нескольким причинам:

- 1) малая разработанность в науке;
- 2) огромная социальная значимость проблемы;
- 3) насущная необходимость изучения социально-психологических феноменов, в частности, социально-психологического управления в срезе процесса глобализации. Необходимость построения общей теории, методологии и выстраивания технологии, конкретных практических методов, позволяющих на социально-психологическом уровне управлять процессом глобализации в обществе.

Можно со всей ответственностью утверждать, что, несмотря на огромное обилие мировой литературы по управлению, буквально каждый современный российский руководитель конкретной организации, особенно в период глобализации, постоянно нуждается в научно обоснованных рекомендациях и советах при выработке, принятии и реализации своих управленческих решений.

Глобальные изменения процессов в обществе предполагают получение большого количества эмпирических материалов. Мы полагаем, что только научная основа является единственно возможной в сфере их упорядочивания. Сегодня от самой социальной психологии зависит многое, в том числе от ее мобильности.

Быстрота реакции науки на изменения, на наш взгляд, является залогом успешного развития общества в целом, хотя актуальность «продуктов» социальной психологии не соответствует настоящей реальности.

Психолог К.К. Платонов писал о том, что XXI в. станет рачительным заказчиком и потребителем продукции психологических служб, интегративно обеспечивающих управленческие нужды в областях экономики, политики, права и, конечно же, организации производства. На наш взгляд, период глобализации дает максимум возможностей ученым и обществу для взаимообогащения и инноваций.

Полагаем, что формулировка и решение реальных проблем управления обществом, группой личностью, с точки зрения роли человеческого фактора и психологии людей и своевременная переработка багажа психологической науки позволяют организовать и оптимизировать систему управления организацией в период глобализации.

В настоящее время во всем мире как авторитетная и относительно самостоятельная область существует психология управления, широко ведутся научный поиск и специальные исследования в обозначенном направлении.

На наш взгляд, сохраняется актуальной задача определения и выделения понятий, создания системы этих понятий, позволяющих планировать и выполнять конкретное прикладное психологическое исследование под реальные управленческие задания, которые в период глобализации быстро меняются, а порой имеют острый характер. Полагаем, что именно «психологическое управление», которое определилось в последнее время трудами В.В. Новикова, Ю.М. Забродина и их соратников и учеников, отвечает прикладному характеру психологических исследований в период глобализации.

По словам Ю.М. Забродина, психологическое управление заключается в практическом воплощении научного знания в действиях и рекомендациях психологов, когда знания и методы, имеющиеся в фундаментальных и прикладных разделах психологии, используются для выработки реальных управленческих воздействий [1]. Б.Ф. Ломов, Г.М. Мануйлов, В.В. Новиков и другие ученые воспринимают психологическое управление как новое научное направление в психологии управления, призванное решать практические задачи [2, 3, 4].

Как отмечают многие ученые, в последние годы практически во всех цивилизованных странах резко поднялся интерес исследователей разных направлений науки и практики к так называемому экономическому поведению людей. Этим сложным понятием объединяется довольно широкий спектр проявлений жизнедеятельности индивида и группы, направленный на производство материальных ценностей и их потребление в конкретных социально-экономических условиях. А ведь именно поведение человека издавна является предметом психологии.

По вполне понятным причинам особый интерес современных психологов, в частности российских, представляет исследование той части экономического поведения, которая связана с предпринимательством.

Рыночные отношения уже давно стали для страны основными, и Россия повернулась к капиталистической экономике, рынок стал открытым по отношению к глобальной экономической системе. Следствием этого являются происходящие изменения взаимоотношений людей, социально-психологического климата всего российского общества и каждой его составляющей.

Открытое и весьма активное движение России как суверенной и достаточно цивилизованной, многосторонне развитой страны выдвинула на смену старым общественно-политическим и социально-экономическим управленческим аппаратам новую страту менеджеров и предпринимателей. Именно от них теперь во многом зависит развитие производства и его инфраструктуры, занятость людей и их благополучие, а, в конечном счете, и удовлетворенность самой жизнью.

В периоде глобализации предприниматели не просто стали реальностью новой постсоветской России, но все в большей степени определяют ее дальнейшую судьбу, т. к. именно они принимают многие принципиально важные экономические решения. Современные предприниматели менее консервативны, чем руководители государственных предприятий, они используют другие способы управления, в первую очередь, основанные на знаниях психологии (В.В. Марченко, В.В. Новиков, А.Л. Свенцицкий, В.А. Бодров, А.Л. Журавлев, А.Н. Лебедев и др.).

Ю.М. Забродин и В.В. Новиков отмечают недостаточность методического обоснования форм и способов применения психологических методов, отмечают необходимость доведения методического обоснования до такой формы, которая стала бы «работать» в реальной жизни, а, значит, перестала бы быть «психологической» и превратилась бы в реальные общественные, межличностные, правовые и другие отношения» [6].

Одновременно следует отметить, что значимость психологического управления возрастает вследствие глобализации, несущей за собой социально-психологические изменения личности, группы, общества.

Исходя из сказанного, необходимо проанализировать и интегрировать опыт развития психологической науки в области решения практических экономических, управленческих и других проблем прошлых лет:

- во-первых, выявить при всей сложности и кризисности современного состояния общества в условиях глобального мирового финансового кризиса его «запрос» или несформулированную в научных понятиях потребность в разработке именно психологических проблем управления;
- во-вторых, выявить возможности психологической науки, которыми она располагает на современном этапе для теоретической и практической постановки проблемы психологического управления и ее решения.

Эта задача при всей ее сложности носит фундаментальный и конкретный характер и еще никем в таком качестве ни поставлена, ни, тем более, решена не была. Но ее решение невозможно только путем применения уже сложившихся психологических знаний и опыта к современным социальным способам управления. Необходимо исследование новых экономических, политических и управленческих

процессов и способов в том виде, как они сформировались в настоящий момент, чтобы оптимизировать их на научной основе.

Реальная жизнь последних лет XXI в. выявила ряд серьезных трудностей, возникающих при расширении рыночных отношений в обществе. Анализ этих трудностей позволяет выделить ряд факторов и механизмов как административно-правового, технико-технологического, организационно-экономического, так и социально-психологического порядка, которые могут быть учтены и использованы в России и других странах. Таким образом, вопрос о целенаправленном использовании психологических и социально-психологических механизмов в целях проектирования новых или дальнейшего совершенствования уже существующих организаций оказывается не просто чрезвычайно актуальным, но и вполне продуктивным.

Именно выявление этих факторов и механизмов и послужило основой возникновения практики психологического управления и, в частности, интегративного организационного проектирования организации труда и управления в ряде отраслей промышленности [7].

При этом важна не только практическая, но и научная проработанность обсуждаемой проблемы. Последнее становится понятным, если учесть, что любая производственная организация может быть одновременно рассмотрена как субъект совместной деятельности, как социально-психологическая группа определенного уровня развития, как среда «самореализации» личности и т. д.

Речь идет о возможностях дальнейшего углубления теоретической разработки ряда важнейших проблем общей и социальной психологии на основе разработки направления психологического управления в период глобализации.

Одновременно сегодня мы ставим вопрос о месте психологического управления в системе психологических наук и о соотношении с социальным управлением.

Современная психология не просто включается со своими рекомендациями в реальную систему управления. Наряду с описанием, объяснением, пониманием все большее значение приобретает такая функция самой психологической науки, как управление, т. е. систематическое применение психологических знаний в практике выработки и осуществления реальных управляющих воздействий; возникает необходимость перехода от анализа объектов к их синтезу, т. е. проектированию структуры и функций социально-экономических объектов с учетом психологических закономерностей, механизмов и факторов их генезиса, функционирования и развития [5].

Таким образом, новое направление «психология управления» совершенно иначе, чем до сих пор, раскрывает понятие «управления» и его связь с реальным социальным управлением: последнее осуществляется на основе управленческой функции психологии, моделирующей реальный объективный способ управления на основе психологических закономерностей.

Одной из важнейших черт рыночных отношений является острейшая необходимость повышения темпов экономического роста, которое само по себе не происходит даже при явном возрастании самостоятельности и ответственности

производственных предприятий, что и выдвигает эти последние в качестве самостоятельного объекта прикладных психологических исследований.

Опыт, накопленный в рамках взаимодействия психологии с общей теорией организаций и социологией организаций, базирующихся на позициях системного подхода, продемонстрировал плодотворность рассмотрения предприятия как производственной организации, что позволило поставить ряд теоретических проблем, выявить некоторые закономерности, сформулировать рекомендации.

Таким образом, глобализация, являясь основной тенденцией современного общества, превращает человечество в социальную целостность, требующую новых путей управления, том числе и психологических.

Литература

1. Забродин Ю.М. Проблема разработки практической психологии // Психологический журнал. – 1980. – Т. 1. – № 2.
2. Ломов Б.Ф. Теория, эксперимент и практика в психологии // Психологический журнал. – 1980. – № 1.
3. Мануйлов Г.М., Тимофеев Ю.Т. Влияние спорта на формирование личностных качеств руководителей производства // Теория и практика физической культуры. – 1983. – № 12.
4. Новиков В.В. Социальная психология сегодня: отвечать действиями // Психологический журнал. – 1993. – № 4.
5. Новиков В.В. Социальное управление развитием производственных коллективов. – М., 1976.
6. Новиков В.В., Забродин Ю.М. Психологическое управление производственной организацией. – М., 1992.
7. Новиков В.В., Мануйлов Г.М., Козлов В.В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. – М., 2009.
8. Покровский Н. Лекции на тему: «Глобализация: реальные процессы и их теоретические конструкты». – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
9. Стиглиц Дж. Журнал «Deutschland». – 4/2002.
10. Gillian Butler, Freda McManus Psychology: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2000. – 160 p.

Брижак З.И.

Психолого-правовые проблемы совершенствования
предварительного следствия по делам, рассматриваемым
в суде с участием присяжных заседателей

Статья ретрагирована

В данной статье автор анализирует особенно типичные ошибки дознавателей в судебном разбирательстве, которое проводится с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных, предварительное следствие, доступность доказательств, избобое следствие.

На сегодняшний день суд присяжных заседателей является единственной формой участия представителей гражданского общества в отправлении правосудия, а также одним из основных средств совершенствования уголовного правосудия в целом.

На наш взгляд, говоря о преступлениях, подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей и разработке, в этой связи, рекомендаций по методике расследования и оформления материалов уголовных дел необходимо учитывать тот факт, что конституция РФ в обязательном порядке гарантирует право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей только по уголовным делам об особо тяжких преступлениях, за совершение которых в качестве исключительной меры наказания установлена впрдь до ее отмены смертная казнь (ч. 2 ст. 20). В то же время в соответствии со ст.ст. 47 и 123 Конституции РФ обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей. Таким образом, регламентация таких случаев полностью находится в компетенции федерального законодателя. В этой связи перечень преступлений, дела о которых могут рассматриваться судом присяжных заседателей (за исключением перечисленных в ст. 20 Конституции РФ), и процедура реализации данного права требуют дополнительного урегулирования уголовно-процессуальным законом. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ подсудность такого суда аналогична (без каких-либо изъятий) подсудности судов субъектов Федерации.

Таким образом, в силу требований закона суд присяжных вправе рассматривать дела по 76 составам преступлений.

Единственное условие, с которым закон связывает участие присяжных заседателей в рассмотрении таких дел, – наличие соответствующего ходатайства обвиняемого. При решении вопроса о подсудности уголовных дел судам субъектов Федерации определяющим фактором являлся профессионализм и опыт их судей.

Поэтому к подсудности таких судов отнесены не только дела об особо тяжких преступлениях и деяниях, затрагивающих важные государственные интересы, но и дела о целом ряде других преступлений, разрешение которых представляет особую сложность и требует от судей соответствующих профессиональных знаний. Такие дела, если об этом будет ходатайствовать обвиняемый, могут быть подсудны суду с участием присяжных заседателей.

Таким образом, наряду с делами об особо тяжких преступлениях против жизни подлежат рассмотрению с участием присяжных заседателей дела:

- о преступлениях средней тяжести (13 составов);
- о преступлениях небольшой тяжести (9 составов);

по которым суду надлежит разрешать вопросы, имеющие для гражданского подсудности, вопросы наличия причинной связи деяния с наступившими общественно опасными последствиями (например, о нарушении правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов в повлекшем по неосторожности смерть одного или более лиц – ч. 3 ст. 269 УК РФ);

- о преступлениях, объективная сторона которых включает в себя сложные юридические факты (например, фальсификация доказательств по уголовному делу – ч. 2 и 3 ст. 333, вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта – ст. 305 УК РФ).

Из числа дел о преступлениях средней тяжести суду с участием присяжных заседателей, в частности, подсудны дела:

- о воспрепятствовании осуществлению правосудия и производству предварительного следствия с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 294 УК РФ);
- о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации, совершенном группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 322 УК РФ) и др.

Обвиняемый может также ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, если, например, ему предъявлено обвинение в совершении такого преступления небольшой тяжести, как неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участника судебного разбирательства, судьи или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (чч. 1 и 2 ст. 297 УК РФ), клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (чч. 1 и 2 ст. 298 УК РФ).

Все это, безусловно, повышает уровень требований к качеству предварительного следствия.

В этой связи, на наш взгляд, лица, осуществляющие предварительное расследование должны понимать и четко осознавать, что институт присяжных заседателей – крайне сложный, процессуально-противоречивый механизм. Надо признать, что введение института суда присяжных является стимулирующим

фактором улучшения качества предварительного следствия, который повысит ответственность и профессионализм, как стороны обвинения, так и защиты. Суд присяжных как институт правового демократического государства заставляет органы следствия работать более качественно. Можно с уверенностью сказать, что современный суд присяжных требует от следователей нового подхода к предварительному следствию, что остро ставит проблему повышения их квалификации в области психологии, социологии.

В определенном смысле проблема суда присяжных в реалиях современной России перестала быть сугубо правовой: эффективность данной формы судопроизводства в большей степени связана с его психологической составляющей.

На практике следует, что присяжные не так адекватно относятся к своим решениям не сухой буквой закона, а во многом эмоционально-ценностным отношением к самому преступлению, к подсудимому, к потерпевшему, к стороне обвинения и стороне защиты, и, наконец, к председательствующему судье. Следователь, безуспешно пытающийся добиться от присяжных конкретного решения, вел предварительное следствие, был вынесен обвинительный вердикт. И в этом смысле проблема принятия решения судом присяжных для следователя весьма актуальна. Зачастую механизм формирования в уроченной судебной коллегии присяжных заседателей следователю не ясен. Здесь необходимо следователю повышать уровень их знаний в области юридической психологии и психологии личности.

Прежде всего, следователю необходимо четко осознавать ряд следующих моментов. Как правило, суд присяжных упрекают за то, что он поступил не в соответствии с законом и истиной, а вынес решение вопреки очевидной доказанности деяния. Во многом это объясняется тем, что система доказательств, добываемая в ходе расследования уголовного дела, будет анализироваться профессионально – судьей, и непрофессионально, в первую очередь, эмоционально – присяжными заседателями.

Таким образом, следователь должен знать, что суд присяжных условно подразделяется на две части: одну составляют судьи-профессионалы, а другую – непрофессионалы (присяжные). При рассмотрении уголовных дел первые правомочны решать вопросы права (вопросы, требующие юридических познаний), в том числе о юридической квалификации содеянного подсудимым и мере наказания, а вторые – вопросы факта (об установлении или неустановлении виновности подсудимого в совершении преступления). Присяжные заседатели принимают решение по делу самостоятельно и независимо от профессионального судьи. Судья выступает в качестве организатора судебного разбирательства, он разъясняет положения закона, сущность принципа презумпции невиновности, разницу между фактами и доказательствами по делу. Однако принятие решения по делу – прерогатива присяжных.

Этот факт объясняется, прежде всего, тем, что существует колоссальная разница в восприятии судьи как профессионала и восприятии присяжного заседателя как человека, не обладающего не только специальными, но и зачастую

Статья ретрактирована
article retracted
04.10.2018

даже элементарными юридическими знаниями. Это одно из первых отличий, объясняющих различные результаты профессиональной судебной деятельности и деятельности присяжных.

Таким образом, разное количество оправдательных приговоров в суде присяжных и в профессиональном суде объясняется тем, что первые ориентированы на общечеловеческие нормы поведения (оправдывают человека!), а вторые – нормативно-правовое толкование (оправдать преступление невозможно).

Следующим объяснением различия количества оправдательных приговоров в суде присяжных и в профессиональном суде является разный объем и порядок предоставляемой им информации.

Присяжные заседатели не получают от судьи и рапортующих от разрешения и явных фактов фактические обстоятельства дела, воссозданные в ходе судебного разбирательства сторонами. Они не владеют информацией о прежней судимости подсудимого; обстоятельства, характеризующие личность подсудимого не вводятся до их внимания. При этом исследование фактических данных дела, но никак не – вердикты присяжных чаще всего выступают проявлением «стихийной» справедливости, содержание которой далеко не всегда совпадает с тем значением, которое вкладывают в нее участники в российском обществе правовые нормы и установления, в частности, положения действующего уголовного законодательства.

Постановление же приговора, применение уголовного и уголовно-процессуального закона, определение меры наказания подсудимому относятся к компетенции судьи. Производство в суде с участием присяжных регулируется разделом XII УПК РФ, в который вошла глава 42 УПК с наименованием «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей». Эта глава включает в себя 30 статей (324–353), представляя довольно солидный институт уголовного процесса.

Таким образом, очевидно, что для успешного рассмотрения дела в суде присяжных, методика расследования дела и оформление материалов уголовного дела важна, но не является определяющей. Основной критерий успеха, совокупность доказательств как прямых, так и косвенных, полно и бескомпромиссно изобличающих виновное лицо в преступном деянии. Но основной акцент должен быть сделан следователем на процессуальной «стерильности» доказательств в ходе их сбора и фиксации. Малейшее отклонение от процессуальных требований недопустимо. В соответствии с Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации под доказательством понимаются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные могут быть получены из строго определенных законом источников: из показаний свидетелей, показаний потерпевших, показаний подозреваемых, показаний обвиняемых, из заключений экспертов, актов ревизий и документальных проверок, вещественных

доказательств, протоколов следственных и судебных действий, а также из иных документов. Законодатель определяет и характеристику полученных и в дальнейшем исследуемых доказательств. Они должны быть относимы и допустимы. Говоря об относимости доказательств, следует отметить, что фактические данные могут стать доказательством по делу, если представляют собой сведения о фактах или предметах, которые подтверждают, опровергают или ставят под сомнение существование обстоятельств, имеющих значение по делу. В противном случае в них нет необходимости.

Как правило, если с определением относимости доказательств у следователей, за исключением редких случаев, не возникает трудностей, то допустимость доказательств является наиболее сложным и спорным вопросом. Как указывалось ранее, для обеспечения достоверности полученных сведений и возможности их проверки законодатель устанавливает, кто, откуда и каким путем может получить доказательства, на основе которых устанавливаются обстоятельства дела. В статье устанавливаются исчерпывающий перечень и порядок получения сведений, имеющих значение по делу, и применительно к каждому источнику – порядок получения (допрос, осмотр и др.) и закрепления полученных сведений в надлежащей процессуальной форме. Важность указанных в законе признаков доказательства обусловливает конституционные принципы доказательственной деятельности, состоящие в том, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона» (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации). «Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК». Таким образом, совокупность правил УПК, закрепленных, в первую очередь, в ст.ст. 73, 74, 75 УПК, а также иные правила УПК содержат дозволения и запреты, которыми следует руководствоваться при собирании доказательств, представлении их суду, решении судом вопроса о их допустимости или недопустимости. Другими словами, Уголовно-процессуальный закон России не только устанавливает правила сбора доказательств, но и закрепляет, что, если доказательство получено с нарушением этих правил, то оно при всей его важности теряет свою юридическую силу и не может использоваться при доказывании вины подсудимого. Для иллюстрации значимости данного принципа следует привести один весьма характерный пример.

Следователи должны знать, что вопросы относимости и допустимости доказательств решаются сторонами, начиная с предварительного слушания до окончания судебного следствия. Предварительное слушание производится судьей единолично в закрытом заседании с обязательным участием прокурора, обвиняемого, заявившего ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных, его защитника. Основной целью предварительного слушания является разъяснение обвиняемому предъявленного обвинения, его прав в суде присяжных и последствий вынесения обвинительного или оправдательного вердиктов. После чего судья предоставляет

**Статья ретрактирована
article retracted
04.10.2018**

обвиняемому право последний раз определиться в своем выборе суда присяжных. Если обвиняемый не подтвердил своего ходатайства о рассмотрении его дела судом присяжных, судья, выполнив еще ряд процессуальных формальностей, объявляет предварительное слушание окончанным и в дальнейшем осуществляет производство по иным правилам. Если же обвиняемый подтвердил свое ходатайство, судья объявляет об его удовлетворении и переходит к рассмотрению ходатайств государственного обвинителя, потерпевшего, обвиняемого и его защитника.

На данной стадии могут быть заявлены самого разного рода ходатайства, например, об освобождении из-под стражи обвиняемого, о возвращении дела на дополнительное расследование, о вызове дополнительных свидетелей, но следует помнить, что основания для ходатайств о слушании вопроса о допустимости доказательств. К этому моменту представители обвинения и защиты, как правило, достаточно хорошо ознакомлены с делом и способны заявить о тех доказательствах, которые, на их взгляд, получены с нарушением закона и подлежат исключению из разбирательства по делу. Зачастую защита заявляет письменные хорошо мотивированные ходатайства, которые дают возможность судье и представителю обвинения как следует ознакомиться с выдвинутыми аргументами. Судья разрешает ходатайства, выслушав мнения сторон. Следует отметить, что мнения сторон перекрещиваются в принципиально юридические споры, в процессе которых и защита и обвинение имеют возможность показать свое знание процессуального закона. Здесь необходимо отметить, что незыблемость аргументации обвинения основывается на результатах компетентной работы следователя, его процессуальной грамотности.

Следующей стадией, где сторонам предоставлено право решать вопрос о допустимости доказательств, является судебное следствие с участием присяжных заседателей.

Здесь на наш взгляд, следователям необходимо знать и помнить два принципиальных момента.

Первый момент. Ходатайство об исключении из разбирательства по делу доказательств, полученных с нарушением закона, равно как и ходатайство об исследовании тех или иных доказательств могут быть заявлены сторонами в любой момент судебного следствия независимо от того, что по ним судьей ранее было вынесено какое-либо решение.

Это означает, что, если судьей на предварительном слушании или в процессе судебного следствия было принято решение об исключении какого-либо доказательства или отказано в таком исключении, это не лишает сторон права вновь поставить вопрос о допустимости данного доказательства, представив новые аргументы и доводы своей позиции. При этом закон ничего не говорит о пределах такой повторяемости ходатайств, предоставляя возможность заявлять их бесконечное количество раз.

На практике подобная ситуация весьма типична. Зачастую доказательства, признанные недопустимыми на предварительном слушании по ходатайству обвинения

Статья ретрактирована
article retracted
04.10.2018

признавались судьей допустимыми в процессе судебного следствия и наоборот. Кроме того, необходимо отметить, что в судах с участием присяжных заседателей защита, как правило, оказывается в более выгодном положении, чем обвинение, так как ей фактически позволено показать жертву преступления в самых «черных красках». Адвокаты, используя ряд нигилистических стереотипов правосознания присяжных, представляя подсудимого жертвой милицейского или прокурорского произвола, нередко добиваются оправдания лиц, являющихся закоренелыми преступниками.

Таким образом, специфика суда присяжных в оценке доказательств и обстоятельств преступления, к сожалению, никак, на наш взгляд, не связана со знанием следствия, методов расследования, а следовательно, никак не связана с целью защиты от преступлений и уж тем более, оформлением материалов уголовных дел. Суд факта», суд присяжных, убедит только достоверная совокупность доказательств, их логическая цель, фактическая незыблемость и, безусловно, процессуальная «чистота». Убеждая фактически, показывает, что суд присяжных, в первую очередь играет психологическая составляющая. «Люди с улицы», каковыми фактически являются присяжные, должны выслушать и правильно оценить сложнейшую систему доказательств, порой коварных, и решить юридически грамотное и справедливое решение. Кроме того, риторика, артистизм порой затмевают силу доказательств, аргументов и юридических доводов, чем в немалой степени пользуется сторона защиты. Подробно проанализировав принципы работы суда присяжных, мы пришли к выводу, что для успешного рассмотрения дела в суде следователь должен представить прокурору весь спектр доказательств таким образом, чтобы они были предельно понятны, по возможности наглядны и, самое главное, логически выстроены. Подобный подход позволит государственному обвинителю построить порядок исследования доказательств в судебном заседании таким образом, чтобы минимизировать эмоциональную составляющую и субъективную позицию защиты, максимально сосредоточить присяжных на объективной стороне содеянного, что, в свою очередь, должно быть подкреплено сильной доказательственной базой.

Литература

1. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ // <http://www.ug-kodeks.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) от 18.12.2001 N 174-ФЗ // <http://www.zakonrf.info>.

Беломестнова Н.В.

Естественно-системные основания строения психики

В статье рассматривается модель строения психики в эволюционно-биологических основаниях. Обосновывается необходимость построения естественной, а не искусственной модели психики. В прямой связи с такой моделью стоит и проблема классификации психических явлений. Для аргументации используется материал нейропсихологии, психофизиологии, психологии развития, патопсихологии, физиологии сенсорных систем, физиологии активности и т.д. Указывается методологическое значение получения естественной модели психики.

Ключевые слова: структура психики, строение психики, модель психики, классификация психических явлений, искусственные системы, естественные системы, системный подход.

Проблемы строения психики как естественной системы

Проблема строения психики (т. е. её модели) поставлена ещё Аристотелем. Если до него перечисляли отдельные свойства души, то системное мышление Аристотеля, заложившего идеи классификации всего сущего, позволило ему скомпоновать разнообразные душевные «способности» в известную триаду – познание, чувства и воля, причём каждый блок триады (подсистема души) имеет свой собственный компонентный состав по принципу единой для данного блока функции (познание, переживание и поведение). С тех пор за две с половиной тысячи лет эта модель почти не менялась, поскольку строилась она с опорой на логико-интуитивный дискурс философов.

Такой способ получения знания возможен, если бы речь шла о сугубо искусственной системе, созданной человеком для решения своих частных задач. Но уже методологическая дискуссия философов и естественников (биологов-систематизаторов) XVII–XVIII в. о критериях и принципах классификации породила понятие искусственных классификаций, созданных человеком, и естественных – созданных природой. Биологи успешно продемонстрировали эффективность понятия естественной классификации в Ламаркианско-Линеевских методах построения всеобщей классификации животных и растений, отражающей в таксонах степень близости видов друг к другу по биологическим критериям (по общности происхождения). И даже сейчас на вопросы о возможном вреде генномодифицированных организмов (ГМО) учёные-биологи отвечают, что они *не конструируют*

новые методы генных сочетаний, они их *открывают*, открывают те, что создала природа, и природа же использует их ежедневно, хоть об этом и не подозревают обыватели.

Психологи-системщики также применяют понятие естественных и искусственных систем. К.К. Платонов полагал, что система – это искусственная классификация, зависящая от познающего, например, система психологических наук. А структура – естественная модель, не зависящая от познающего, она создана природой, например, психические явления [32]. То есть следует изучать структуру психики в её биологической детерминации, а система психических понятий формируется искусственно по требуемым задачам критериям.

Но тут и встаёт вопрос: правомерно ли применять понятие естественной классификации к психике, т. е. возможна ли классификация, компоновка психических «способностей» в подсистемы психики на естественно-системных основаниях? Если психика – сугубо умозрительный конструкт человека в силу его интенции все понятия переводить в зримый образ [21], то любая искусственная модель будет истинной по тем критериям, которые задал автор. Если же психика создана природой, то и модель должна быть природная, естественная, и в силу этого единственная истинная.

Тут уместно рассмотреть, а как же человек в процессе своей эволюции рассматривал соотношение дух – материя?

Ранее мы уже предлагали реконструкцию *этапов дифференцировки психического и непсихического* (выделения идеального, психического мира из материальной реальности) в сознании человека [16]. Первый этап – отождествление этих реальностей с материализацией психики («овеществление»). Об этом свидетельствуют этимология (душа – дух – дыхание), магическая практика с частями тела (ногти, волосы) и тенью человека, тонкие атомы души в атомизме досократиков. Второй этап – одушевление не только живого (носителя психики), но и неживого. Начинается осознание иной субстанциальности души (она невидима, хотя представить её себе можно), но она ещё находится в прямой зависимости от тела. Синкретический антропоморфизм, магии и анимизм синполитейных сообществ – тому свидетельство. О том же говорят и явления онтогенеза сознания, открытые Ж. Пиаже: анимизм, магическая причинность, артификализм в мышлении детей дологического периода. Третий этап – возникновение оппозиции объективной и субъективной действительности с осознанием их разной субстанциальности и значительной независимости. Объективный идеализм, архетип Мирового древа с тремя мирами, понятие первичных и вторичных качеств Демокрита, появление монотеистических религий – проявления такой парадигмы. И, наконец, четвёртый этап, ставший практически господствующей парадигмой в эпоху Нового времени – понимание (или концепция) отношений психики и тела (сомы) в их иерархии – психика есть производное (дериват) от материи (живого организма).

В XIX в. все естественники, так или иначе соприкасавшиеся с темой нервного (физиологического) и психического, основывали свои исследования именно на

этой методологической позиции. Но в психологии такой подход появился и был осознан существенно позже. В процессе анализа изданий, посвящённых теоретическим проблемам психологии (учебники и методические пособия) за последние сто лет, удалось проследить историческую динамику формирования этих взглядов. А.Н. Гиляров в 1914 г. [23] полагал, что психика неделима (в ней нет компонентов) и непознаваема. Выражаясь современной терминологией – модель психики построить невозможно. В 1915 г. Н. Васильев [18] считает психологию наукой, «дополнительной к естествознанию», атрибутирует психику не только человеку, но и животным, но при этом считает, что дефиниции психики дать нельзя. Не совсем ясно только, следует ли из такого его мнения, что строение психики отсутствует. Г.И. Челпанов [37] чётко обозначает естественнонаучный экспериментальный подход, атрибутирует психику животному миру, начиная с простейших (аргументируя свойством раздражимости). Но, опять же, о строении психики разговоров нет, хотя в его «Очерках психологии» даётся и эволюция нервной системы, и анатомия ЦНС, и психофизиология, что косвенно свидетельствует о его намерении производить законы душевной жизни от законов функционирования нервной системы. С.Л. Рубинштейн [34] прямо говорит, что психику надо изучать «в развитии», предлагая в качестве примера таких закономерностей ряд принципов развития нервной системы. А.Я. Пономарёв [33] рассматривает психику как сугубо естественную систему и предлагает для неё не только познавательную (отражающую) функцию, но и регуляторную, которая до того считалась прерогативой нервной системы (принцип нервизма – как он формулируется в биологии). В эту же эпоху Ленинградская школа психологии [1] в качестве своей методологической базы использует эту же парадигму, а теоретические разработки Л.М. Веккера [21] посвящены поиску, как общих закономерностей (для нервного сигнала и психического), так и спецификации психических сигналов разных уровней изоморфизма и организации. Работы А.Р. Лурия и его школы [30, 36] в зримой и очевидной форме эксплицируют идею изучения психики в её естественно-системных основаниях. В.Б. Швырков [38] прямо декларирует это тезис. В рамках этой же проблемы и стоит вопрос о генезисе психики в эволюционном аспекте. И давно уже психика не атрибутируется только человеку, первоначально она возникла либо у простейших [28], либо даже у протобионтов [26].

Из этого исторического экскурса следует, что идея психики как деривата материи в настоящее время не вызывает сомнений в среде исследователей, исповедующих принципы научного мышления. А значит, для построения естественно-системной модели психики можно и следует использовать принципы строения и функционирования тех естественных систем, которые её (психику) породили.

Проблема классификации психических явлений

В прямой связи с проблемой модели строения психики стоит вопрос о классификации психических явлений, поскольку именно классификация компонентов психики призвана объединить их в группы по родству (общему генезису)

и общей функции). Классификация может быть искусственной или естественной. Искусственных классификаций может быть сколь угодно много в зависимости от частных задач исследования. А вот естественная классификация может быть только одна – возникшая в процессе эволюции.

В любом учебнике психологии представлена эта тема. Классификация психических явлений (психических образований, элементов, компонентов, ингредиентов) на группы производится в разных перечнях: психические процессы, функции, свойства, состояния; психические образы, процессы, функции, свойства и состояния. При этом обычно указывается, что ввиду сложности объектов классификации (психические явления) почти каждое явление может оказаться в двух, а то и в трёх группах. Например, внимание как процесс и как состояние; восприятие как образ и как процесс его построения. Но, как в логике, так и в естественных науках известно, что одно качественно своеобразное явление нельзя в рамках одной классификации помещать в разные «ячейки», группы или классы. Такое возможно только при разных классификациях по отличающимся критериальным основаниям. Но в общепсихологической классификации всех компонентов психики даже не указан критерий этой классификации, кроме, естественно, указания на некоторую общность явлений одного класса по природе. И эта классификация в биологии выглядела бы так: «Все компоненты организма делятся на органы, состояния болезни и здоровья, функции и подсистемы». Столь наглядная аналогия показывает существенное логическое и методологическое неблагополучие в теме общей психологии «Классификация психических явлений». В то же время эта аналогия со строением организма помогает осмыслить и осознать, по каким критериям можно было бы классифицировать традиционно перечисляемые компоненты психики.

Каждая подсистема организма млекопитающего (опорно-двигательная, нервная, пищеварительная и т. д.) включает ряд органов, имеющих общее происхождение и общую функцию, и эта общая функция всей подсистемы, специфична только для неё. При этом другие подсистемы осуществляют в организме другие функции. А в общей психологии до сих пор (за редкими исключениями) функция отражения приписывается всем психическим явлениям – когнициям (и это соответствует реальности), эмоциям, моторике, памяти, вниманию и т. д. Такой подход является вполне понятным логическим следствием из дефиниции психики как отражающей (репрезентирующей) системы. Но в организме все его подсистемы имеют свою функцию. Может быть, и в психике следует искать для каждой его подсистемы свою фундаментальную функцию?

Возможен ли такой методологический приём в общей психологии?

При анализе строения системы (в данном случае – психики) системный подход заставляет ставить следующие вопросы.

1. Из каких компонентов (элементов, образований, явлений, ингредиентов) состоит психика?
2. Классифицируются ли они, группируются ли они по некоторому сходству в подсистемы?

3. Какова специфическая функция каждой из этих подсистем, отличающая её от других?

4. Как элементы одной подсистемы соотносятся друг с другом?

Это не полный перечень компонентов системного подхода, но самые первые его вопросы [5, 12, 22, 32].

Очевидно, что перечень компонентов задан курсом общей психологии, хотя здесь имеется ряд очень существенных критических замечаний [22]: перечень не установлен (отличается по объёму у разных авторов); перечень не закрыт (это существенный дефект для классификации естественной системы); в перечне существуют явно нерядоположные компоненты (например, ощущение и личность, мышление и темперамент).

В то же время структура организма задаёт нам, общим психологам, некую парадигму в виде необходимости выделения каких-то подсистем. В психике эти подсистемы также явно представлены – когниции, эмоции и моторика. Внутренние компоненты каждого структурного блока психики («органы» данного блока) также присутствуют (например, в когнитивном блоке – сенсорика, перцепция, репрезентация и мышление), причём эти внутренние компоненты объединены общей фундаментальной функцией: когниции – функцией отражения (познания), эмоции – функцией энергетического обеспечения психики, моторика – функцией трансформации среды.

Но за пределами этих блоков остались такие психические явления, как внимание, память, речь, сознание, воля. При этом уже более столетия со времён У. Джемса и Рубина возникают сомнения в самостоятельности существования внимания. Л.М. Веккер [21] переводит внимание, память, речь, воображение и сознание из когнитивных процессов в так называемые (в его терминологии) «сквозные», В.В. Лоскутов [29] описывает внимание в качестве интегратора психической деятельности. Естественники-нейрофизиологи также приходят к этому выводу [4]. Нами тоже были приведены множественные естественно-научные аргументы в пользу перевода памяти и внимания из разряда когнитивных процессов в разряд интегрирующих механизмов [6].

Мы предложили модель строения психики [19, 20] в естественно-системных категориях, где структурными блоками психики являются когниции, эмоции и психомоторика, а интегрирующими механизмами являются внимание, память, речь, сознание, воля. В этой модели в явном виде представлена идея, что компоненты психики могут быть структурными и процессуальными. Продолжая аналогию с биологией, можно было бы сказать, что структурные компоненты психики – «органы», складывающиеся в подсистемы (блоки), и это «анатомия» психики, а процессуальные компоненты – «физиологические процессы» – «физиология» психики.

И тогда, отвечая на заданный в начале раздела вопрос о критериях классификации психических явлений, можно было бы ответить, что первый критерий разделения психических явлений на классы – структурно-динамическая характеристика. Явления психики, в первую очередь, делятся на структурные компоненты

психики и процессуальные (интегрирующие) механизмы. А структурные компоненты психики делятся на когнитивные (познавательные), эмоциональные (переживательно-активирующие) и психомоторные (трансформирующие среду). И, что очень важно для анализа психики как естественной системы, их (подсистем) фундаментальные функции не пересекаются, отличаются. Природа не дублирует одну и ту же функцию в разных подсистемах.

Классификация психических явлений становится логически непротиворечивой и понятной.

Естественно-системная модель строения психики

Моделей строения психики построено уже много. В более ранней нашей статье [12] мы уже анализировали эти модели и те критерии, которые их авторы заложили в основания. Но все эти критерии не берут за основу уже найденные и доказанные принципы строения, механизмы и функции субстрата психики – организма в целом и нервной системы в частности. В нашей модели мы применяем именно такие концептуальные построения в физиологии, неврологии, нейропсихологии, эмбриологии и других естественных наук [7, 11, 14, 15]. Введя психику во множество регуляторных систем организма [14, 15] и построив их (регуляторных систем) эволюционную иерархию, мы дали родовидовую дефиницию психики: психика – одна из **регуляторных** систем (подсистем) организма, осуществляющая свои функции с помощью **отражения** свойств внешней и внутренней среды и **трансформирующего взаимодействия** с внешней средой. Специфицирует каждую из регуляторных систем код (форма сигнала), используемый данной конкретной системой и материальный носитель (субстрат) этого кода. В психике это психические образы, а носителем этого кода (сигнала) являются функциональные системы разной степени сложности. В более ранних статьях структура психики в её естественно-системных детерминантах ещё опиралась на разработки и мнения более ранних исследователей или традиционную модель (триаду). В процессе работы над этим вопросом сложилась окончательная модель с её биологическими основаниями (таб. 1).

Интересно то, что, если брать только структурную организацию психики (без блока интегрирующих механизмов), то она крайне близка к традиционной триаде Аристотеля. Но не авторитет Аристотеля тому причиной. Это авторитет Природы, а гений Аристотеля только подтверждается даже две с половиной тысячи лет спустя.

Рассмотрим строение каждого блока в его структуре и специфике.

Уровни-«этажи» когнитивного блока именно в таком виде были построены ещё в 70-е гг. XX в. Л.М. Веккером [21]. Но до сих пор имеются иные схемы соотношения когнитивных процессов. Есть мнения, что психическим образом является только перцепт (образ восприятия), а сенсорные свойства являются результатом сознательного анализа субъектом состава перцептивного образа [22, 31]. Есть позиции, что только два уровня формируют познавательные процессы – восприятие и мышление.

Но не только теоретико-методологические построения Л.М. Веккера, дополненные нашей аргументацией [12], обосновывают именно такое четырёхэтажное строение когний. Анатомо-функциональная организация постцентральных отделов коры головного мозга (представлено в таблице) доказывает правоту теоретического обоснования. Подкрепляют именно такую организацию и данные филогенеза репрезентативной функции психики – сенсорная психика, перцептивная психика, интеллект (высокоорганизованных животных) и сознание человека, т. е. знаково-символический способ освоения среды [28].

Таблица 1

**Естественно-системная модель строения психики
Структурные подсистемы психики («анатомия» психики)**

КОГНИТИВНЫЕ образы и процессы	ПСИХОМОТОРНЫЕ процессы	ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ состояния
Информационная фундаментальная функция ОТРАЖЕНИЕ СРЕДЫ	Эффекторная фундаментальная функция ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО СРЕДОЙ	Энергетическая фундаментальная функция (РЕГУЛЯЦИЯ ТОНУСА)
Мышление и воображение	Социальная деятельность	Социальные чувства
Репрезентация (представления)	Поведение (биологические программы)	Дифференцированные эмоции
Перцепция (восприятие)	Действия	Базовые эмоции
Сенсорика (ощущения)	Движения	Глобальные эмоции
Нейрофизиологические и нейропсихологические основания		
Второй блок функциональной организации головного мозга по Лурия ИНФОРМАЦИОННЫЙ (постцентральные отделы коры ГМ)	Третий блок функциональной организации головного мозга по Лурия ПРОГРАММИРУЮЩИЙ ПОВЕДЕНИЕ (передние, лобные отделы коры ГМ)	Первый блок функциональной организации головного мозга по Лурия РЕГУЛЯЦИИ ТОНУСА (вертикальная организация и срединные глубокие отделы ГМ)
Анализаторы ЦНС (их перечень и строение, пути)	Уровни организации движений по Н.А. Бернштейну и А.Р. Лурия	Круг Пейпеца и дополнения
Первичные, вторичные и ассоциативные (третьичные) поля постцентральных отделов	Моторные поля фронтальных отделов коры ГМ	Биохимические системы (медиаторы НС)

Интегрирующие механизмы психики («физиология» психики)

внимание память речь сознание воля

Блок психомоторных процессов организован нами с учётом того, что качественные отличия в подсистеме когнитивной необходимо должны иметь и качественные параллели в моторике. Действительно, отличие действия и движения в перцептивной и сенсорной психике показал А.Н. Леонтьев [28], когда при сохранении образа цели в перцептивной психике может варьировать путь её (цели) достижения, в отличие от сенсорной психики, где путь к цели однозначно связан с самим сенсорным образом цели. Инстинктивные или прижизненно сформированные биологические программы поведения животного в качестве акцептора действия (образа ближайшего будущего) имеют образ-представление (репрезентант в нашей терминологии). Эту идею задал ещё в 1935 г. П.К. Анохин [3] при формировании концепции функциональных систем и принципа опережающего отражения [2]. Социальная деятельность человека задаётся и регулируется смысловыми целями и субъективной картиной мира, определяемыми качественно иной организацией сознания – знаково-символической деятельностью.

Эмоциональный блок, следуя той же логике, организован иерархически тоже на четырёх уровнях, каждый из которых имеет свои организационные особенности и механизмы обеспечения. Уровень глобальных эмоций обеспечивается деятельностью биохимических механизмов – катехоламинэргетиков, холинэргетиков и дофаминовой системы [39]. Положительные эмоции обеспечивают серотонин, ацетилхолин и их производные. Отрицательные эмоции зависят от адреналина, норадреналина и их производных. Дофаминовая система связана, как с функционированием когнитивных эмоций, так и с качеством когнитивной деятельности. Как обнаружено в работах акад. Н.В. Весёлкина [17], дофамин не действует возбуждающе или тормозящее на нейрон (о чём и шли споры биохимиков-нейрофизиологов). Он усиливает действие тормозящих или возбуждающих кислот (ГАМК и т. д.), уже активно функционирующих в данный момент в нейроне. И этот механизм вполне успешно объясняет особенности работы когнитивных процессов в норме и патологии [8]. Базовые эмоции обеспечиваются подкорковыми нейрональными структурами и функциональными системами (круг Пейпеца и дальнейшие его дополнения). Дифференцированные эмоции обеспечиваются деятельностью коры правого полушария [27] и испытывают влияние прижизненных событий. Социальные чувства являются компонентами сознания.

Роль памяти и внимания (аттентивно-мнестических процессов) в качестве интегрирующих механизмов (а не когнитивных процессов) в настоящее время уже не оспаривается [4, 6, 21]. Другие составляющие блока интегрирующих механизмов никогда и не числились в составе подсистем психики, им изначально приписывалась роль интеграторов всей психической деятельности [10, 21, 25].

Методологические следствия естественно-системной модели строения психики

Таким образом, если принимать такую естественно-системную модель строения психики, то становится понятно, в каких пунктах меняется методология её исследования и описания.

Прежде всего, в соответствии с натуральным строением психики организуется и структура учебного курса [13, 24]. Этот методический приём известен несколько столетий, поскольку применяется в медицинских учебниках. До работ выдающегося анатома и физиолога XVI в. Андреаса Везалия [35] во взглядах на анатомию человека, соотношение и роль органов тела было довольно много разногласий, несмотря на то, что в целом устройство организма описывалось с эпохи античности (работы Александрийской библиотеки). Но Везалий для строгого доказательства строения организма ввёл не только критерий анатомической связности органов, но и единство функции органов данной системы. С тех пор строение организма человека (млекопитающих) в биологии считается константой. Построение программ и учебников по общей психологии должно бы следовать этому общенаучному принципу.

Построение программы экспериментально-эмпирического исследования также в значительной мере зависит от того, какую опорную модель изучаемого явления выбрал исследователь. В психологической практике такая модель не играет существенной роли (за исключением модели индивидуальности), поскольку психологу требуется выявить и описать частные индивидуально-типологические свойства субъекта, имеющие значение для решения конкретного вопроса. А вот в клинико-психологической практике (патопсихологии) диагностика пациента начинается именно с описания его психики, а его личность интересует диагностов во вторую очередь [9]. И вот тут правильное представление о естественном строении психики и характере взаимоотношений её структур оказывается существенным для понимания механизмов этиопатогенеза заболевания [8].

Формирование обучающих программ в соответствии с естественными закономерностями строения и развития мышления [11] также является стратегической целью психологии развития. Формирование программ абилитации в коррекционной психологии необходимо должно учитывать именно естественные законы генезиса психических и психологических способностей.

Таким образом, получение естественно-системной модели строения психики – одна из важнейших задач теоретической психологии.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 380 с.
2. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. – № 7. – 1962. – С. 97–111.
3. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – 453 с.
4. Апчел В.Я., Цыган В.Н. Память и внимание – интеграторы психики. – СПб.: ЛОГОС, 2004. – 120 с.
5. Барabanщиков В.А. Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 29–46.

6. Беломестнова Н.В. Аттентивно-мнестические процессы как интегративные механизмы // Психология когнитивных процессов (материалы всероссийской научно-практической конференции) / Ред. Мажар Н.Е., Селиванов В.В. и др. – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 14–18.
7. Беломестнова Н.В. Естественно-системный подход в построении психологических моделей // Материалы IV Всероссийского съезда Российского Психологического Общества: в 3-х т. – Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «КРЕДО», 2007. – Т. 1. – С. 93.
8. Беломестнова Н.В. К вопросу о нейрональных механизмах нарушений психической деятельности при шизофрении // Современные подходы к оказанию психиатрической помощи. Материалы научно-практической конференции, посв. 140-летию ГПБ № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова, 8 октября 2010 г., Санкт-Петербург. – СПб., 2010. – С. 130–133.
9. Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта. Психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике. Методическое пособие. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 128 с.
10. Беломестнова Н.В. Методология исследования сознания в парадигме междисциплинарного системного подхода // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции 29 июня – 1 июля 2007 г., Самара. – Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. – С. 29–31.
11. Беломестнова Н.В. Модусы мышления в естественно-системных детерминантах // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2 (58). – Москва-Воронеж, 2009. – С. 37–49.
12. Беломестнова Н.В. Системный подход в психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 10. – С. 43–54.
13. Беломестнова Н.В. Структура курса научной дисциплины как отражение строения её объекта // Психологические практики в Российском образовании. Материалы Международной научно-практической конференции. 4–5 октября 2007 г., Армавир.– Армавир, 2007. – Ч. II. – С. 150–151.
14. Беломестнова Н.В. Уровни знаковой регуляции (от простейших до человека) // Психология человека: интегративный подход. Сб. статей / Под ред. д.пс.н., проф. В.Н. Панферова. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – С. 15–35.
15. Беломестнова Н.В. Эволюционное древо регуляторных систем организма // Современные проблемы биологической психиатрии и наркологии. Тезисы докладов Второй Всероссийской конференции с международным участием 4–6 марта 2008 г., Томск / Под ред В.Я. Семке, Т.П. Ветлугиной. – Томск: Изд-во «Иван Фёдоров», 2008. – С. 34–36.
16. Беломестнова Н.В. Этапы формирования понятия психического в архаическом сознании // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 20–25 октября 2008 г., посвящённого 100-летию академиком Б.А. Рыбакова,

- А.П. Окладникова, Б.Б. Пиотровского. Том III. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 152–154.
17. Букинич А.А., Цветков Е.А., Веселкин Н.П. Особенности дофаминовых рецепторов на мембране мульти-полярных нейронов спинного мозга пескоройки *Lampraetra planeri* // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. – 2007. – Т. 43. – № 1. – С. 39–45.
 18. Васильев Н. Программа по психологии. – Казань, 1915. – 6 с.
 19. Васильева Н.В. Некоторые системные принципы структуры психики и функций головного мозга // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 мая 1999 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – С. 23–25.
 20. Васильева Н.В. Структура психики как проявление принципов строения самосохраняющихся систем // Психология человека: интегративный подход. Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – С. 18–32.
 21. Веккер Л.М. Психические процессы. – Л.: ЛГУ, Т. 1, 1974. – 335 с.; Т. 2, 1976. – 343 с.; Т. 3, 1981. – 327 с.
 22. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. – Л.: ЛГУ, 1984. – 176 с.
 23. Гиляров А.Н. Пособие к лекциям по психологии. – Киев, 1914. – 168 с.
 24. Горбатенко А.С. Системная концепция психики и общей психологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. педагог. ун-та, 1994. – 106 с.
 25. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–36.
 26. Климов Е.А. Об амбифлекторной природе психического // Вестник МГУ. – Серия 14. Психология. – 1992. – № 1. – С. 51–57.
 27. Кошлыкин В.В. Функциональная асимметрия мозга и эмоциональные состояния человека // Сибирский психологический журнал. – Вып. 3. – 1996. – С. 37–40.
 28. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 576 с.
 29. Лоскутов В.В. Внимание как механизм психической интеграции // Тезисы научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2000» / Под ред. А.А. Крылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 135–137.
 30. Лурия А.Р. Функциональная организация мозга // Естественнонаучные основы психологии / Под ред. А.А. Смирнова, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицына. – М.: Педагогика, 1978. – С. 109–139.
 31. Никандров В.В. Пространственная модель функциональной структуры психики человека // Вестник СПбГУ. – 1999. – Сер. 6. – Вып. 3. – С. 73–80.
 32. Платонов К.К. О системе психологии. – М.: Мысль, 1972. – 216 с.
 33. Пономарев А.Я. К вопросу о природе психического // Вопросы философии. – 1960. – № 3. – С. 88–99.
 34. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1940. – 596 с.
 35. Терновский В.Н. Андрей Везалий. – М.: Изд-во «Наука», 1965. – 256 с.

36. Хомская Е.Д. Нейропсихология. – М.: МГУ, 1987. – 288 с.
37. Челпанов Г. Очерки психологии. – М.-Л.: Московское акционерное издательское общество, 1926. – 256 с.
38. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. – М., 1995. – 164 с.
39. Шеперд Г. Нейробиология: в 2-х т. Пер. с англ. – М.: Мир, 1987. – 454 с.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Попова Л.В.

Противодействие экстремизму в пространстве интернета

В статье поднимается вопрос о молодежном экстремизме и влиянии Интернет-СМИ на формирование мировоззрения у молодого поколения. Описывается проведение первого всероссийского Интернет-фестиваля студенческой, научной и творческой молодежи по противодействию идеологии экстремизма в сети Интернет «Пользователи Интернета против экстремизма», который проходил на базе факультета психологии Южного федерального университета.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, СМИ, Интернет-зависимость.

На сегодняшний день остро встает проблема распространения на территории Российской Федерации идеологии терроризма и экстремизма. Рост террористической активности и культурно-нравственной напряженности способствует наращиванию потенциала экстремистских группировок, влияющих на ключевые структуры жизни. При этом отмечается многообразие форм экстремистской и террористической деятельности, стремление добиться общественного резонанса и устрашению населения. В отдельных регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов наблюдается расширение информационной, идеологической, психологической, ресурсной взаимосвязанности экстремистских сообществ и групп. В этих условиях подрастающее поколение юга России оказалось самой незащищённой в культурном отношении категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме. Часть молодёжи оказалась дезорганизованной, подверженной влиянию экстремизма и ксенофобии, разрушающих традиционные ценности национальных культур и религий народов ЮФО и СКФО. Именно здесь целесообразно формирование толерантности, понимания национально-культурных особенностей в среде студенческой молодежи, что должно позволить сформировать личность молодого человека с устойчивой гражданской позицией, способного противостоять идеологии ксенофобии и различным экстремистским тенденциям.

Молодежный экстремизм как приверженность крайним взглядам и действиям в современных российских условиях стал повседневной реальностью нашего существования. Проблема борьбы с молодежным экстремизмом становится общегосударственной сложной и многоаспектной задачей. Нельзя игнорировать комплексный характер этой проблемы.

Основными источниками молодежного экстремизма в России являются, прежде всего, социально-политические факторы: кризис социально-политической и экономической системы; социокультурный дефицит и криминализация массовый

культуры; распространение социальных проявлений «ухода от жизни»; отсутствие альтернативных форм проведения досуга; кризис школьного и семейного воспитания. Все это позволяет утверждать, что основной круг проблем, с которыми приходится иметь дело молодежи в России, лежит в сфере конфликтных отношений, прежде всего, в семье и в отношениях со сверстниками [1].

В настоящее время среди приоритетных задач в рамках противодействия экстремизму выделяют информационно-психологическое противодействие распространению идеологии экстремизма в молодежной среде. Необходимость этого определяется тем, что исполнители террористических акций – преимущественно молодые люди до 30 лет. Это представляет реальную угрозу общественной безопасности, так как именно молодежь является активным субъектом социального взаимодействия.

Вместе с тем общепризнанно, что современный терроризм неразрывно связан с деятельностью средств массовой информации. В этой связи весьма актуален вопрос о роли СМИ в формировании и развитии социальных представлений о терроризме, которые одновременно являются результатом коммуникации и служат ее основой, обеспечивая разделяемые коды социального взаимодействия и групповую идентичность. Следует подчеркнуть, что именно в интерактивных процессах репрезентируемые социальные представления зарождаются, модифицируются, обмениваются и распространяются по социальным группам. Причём они конституируют социальные группы и определяют их границы. Соответственно социальные представления задают диспозиции интерпретаций и ожиданий воспринимаемых индивидом ситуаций взаимодействия.

В нынешнем столетии всё большее значение приобретает массовая коммуникация, которая, по мнению Д.В. Ольшанского, есть среда формирования, распространения и функционирования различных образцов восприятия мышления и поведения [3]. В систему массовых коммуникаций включены печатные и Интернет-СМИ, одной из базовых функций которых является информирование населения по актуальным вопросам внутренней и международной жизни. В современном информационном обществе особую роль играют СМИ как важный компонент формирования гражданского общества.

Феномен средств массовой информации стал объектом пристального исследования как российских, так и зарубежных психологов, политологов, социологов, лингвистов с 50-х гг. XIX в., и был изучен в рамках теории социального научения (А. Бандура, Дж. Роттер, У. Мишел), теории культивирования (Дж. Гербнер), теории социализации (И. Мейровиц, Н. Поустмен, М. Розенберг), теории использования и удовлетворения (Дж. Блумер, Э. Кац, Ф. Палмгрин, К. Розенгрэн), теории навязывания повестки дня (Д. Шоу, М. Маккомс), когнитивной теории СМИ.

Несмотря на различие подходов к изучению СМИ, все исследователи сходятся в одном: средства массовой информации оказывают огромное психологическое воздействие на аудиторию в сфере собственно деятельности в ее реальном

осуществлении и в ценностно-смысловой сфере личности, трансформируя ее мотивы, потребности, установки, ценностные ориентации и формируя стереотипы. Этот процесс в отношении молодежи как группы подверженной наибольшему влиянию в силу несформированности механизмов противодействия информационному воздействию СМИ оказывается наиболее сильным и, таким образом, средства массовой информации практически конструируют образ мира у молодого поколения. Из всех средств массовой информации отдельно и особо выделяют Интернет.

На данный момент Интернет-зависимость не является самостоятельным заболеванием и определяется психологами как феномен. Родоначальниками психологического изучения феноменов зависимости от интернета считаются клинический психолог К. Янг и психиатр И. Гольдберг. Впервые термин «интернет-зависимость» был предложен И. Гольдбергом, под которой он понимал расстройство поведения в результате использования интернета и компьютера, оказывающее пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности человека. В настоящее время под Интернет-зависимостью понимается компульсивное желание войти в интернет, находясь в off-line, и невозможность выйти из интернета, находясь в on-line.

На сегодняшний день по количеству пользователей интернета россия обгоняет австралию, испанию, италию, францию, великобританию и бразилию. В период с 2002 по 2009 гг. число Интернет-пользователей в России выросло с 8 % (8,7 млн. человек) до 30 % (34,4 млн. человек), а уровень суточной аудитории – с 2 % (2,1 млн. человек) до 16 % (17,7 млн. человек). Основными пользователями Интернета в России на сегодняшний день являются молодые люди в возрасте 18–25 лет. Вместе с увеличением количества пользователей Интернета в мире неуклонно возрастает уровень Интернет-зависимости, что связано еще и с тем, что у четверти пользователей Интернета зависимость формируется уже после полугода его использования.

На фоне данной картины особо актуальным стало проведение первого всероссийского Интернет-фестиваля студенческой, научной и творческой молодежи по противодействию идеологии экстремизма в сети Интернет «Пользователи Интернета против экстремизма», который проходил на базе факультета психологии Южного федерального университета. Интернет-фестиваль прошел именно 3 сентября, когда в нашей стране отмечается День солидарности в борьбе с терроризмом. Это день памяти и скорби о жертвах террористического акта в Беслане.

Фестиваль проходил на базе нескольких вузов страны, в его работе приняли участие студенты, молодые ученые и преподаватели вузов нескольких регионов России, среди них: Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), Московский гос. ун-т, Кубанский гос. ун-т (Краснодар), Сибирский федеральный ун-т (Красноярск), Ставропольский гос. ун-т, Томский гос. ун-т, Чеченский гос. ун-т (Грозный), Кабардино-Балкарский гос. ун-т (Нальчик) и другие вузы.

Открыл фестиваль декан факультета психологии ЮФУ Ермаков П.Н., который приветствовал всех участников и озвучил главный тезис фестиваля: «Идеология экстремизма – реальная угроза наших дней, угроза национальным интересам России».

Затем с приветственным словом выступил председатель оргкомитета фестиваля, ректор ЮФУ Захаревич В.Г. Он отметил важность проведения Интернет-фестиваля, когда в обсуждении поставленной проблемы принимают участие одновременно несколько регионов. Интернет не такая уж безопасная штука, как можно себе представить, сказал он, в Интернет-пространстве нет ограничений и нет определенной культуры. Всемирная сеть используется не только культурными, грамотными людьми, но и людьми с очень специфическим пониманием культуры, людьми, которые ставят себя выше всех остальных и используют Интернет для достижения своих целей. Владислав Георгиевич посетовал на малое количество исследований Интернета, которых практически нет, ученые всех стран только начинают изучать данное пространство, что еще раз подчеркивает необходимость проведения подобных обсуждений, и пожелал успешной работы всем участникам фестиваля.

Далее был показан небольшой ролик, который был снят незадолго до проведения Интернет-фестиваля, – опрос на улицах г. Ростова-на-Дону: как жители донской столицы относятся к экстремизму? Прошло непосредственно обсуждение проблемы, представители всех вузов говорили о необходимости противодействия идеологии экстремизма в сети Интернет, делились своими мыслями и разработками в этой области.

В рамках фестиваля прошли еще несколько мероприятий.

Презентация конкурса «Каким должен быть сайт противодействия экстремизму и терроризму в информационном пространстве», в качестве участников приглашались студенты и учащиеся старших классов, куратором презентации выступил доцент А.В. Мирошниченко. Первое место со своим проектом сайта «АНТИТЕРРОР» занял магистрант факультета психологии ЮФУ Игорь Шингелевич, который со своим проектом поедет в МГУ на конференцию.

Круглый стол «Политика информационной безопасности: границы дозволенности в противодействии деструктивного информационного воздействия», ведущей которого выступила доктор психол. наук, профессор, зав кафедрой общей психологии и психологии развития И.В. Абакумова. В работе круглого стола приняли участие не только молодые ученые из разных регионов, но и высказали свои мысли представители телевидения и издательства.

В режиме Online доктор философ. наук, профессор В.А. Шкуратов прочитал лекцию на тему «Война в Интернете: блицкриг или не блицкриг».

По итогам работы были сформулированы и обсуждены рекомендации по оптимизации противодействия идеологии экстремизма.

1. Высшим учебным заведениям активно противодействовать распространению идеологии экстремизма и активизировать работу по информационно-

- пропагандистскому обеспечению антиэкстремистских мероприятий в молодежной среде, среди пользователей Интернета.
2. Высшим учебным заведениям привлекать научное и студенческое сообщество к разработке теоретических и методологических основ противодействия экстремизму (во всех его проявлениях) по конкретным направлениям деятельности.
 3. На сайтах вузов разъяснять сущность экстремизма и его общественную опасность, формировать стойкое неприятие обществом идеологии насилия, а также привлекать молодежь к участию в противодействии терроризму, экстремизму, национализму, религиозному фундаментализму на интернет-ресурсах.
 4. Создать на базе учреждений высшего и среднего образования сеть взаимосвязанных и постоянно действующих интернет-ресурсов антиэкстремистской направленности.
 5. Разработать Положение о формировании и наполнении содержательной части интернет-ресурсов высших учебных заведений по антиэкстремистской направленности.
 6. Сайт «Мир Кавказу» <http://mirkavkazu.sfedu.ru> сделать Зональным координатором для вузов ЮФО и СКФО.

Литература

1. Добаев И.П., Сериков А.В., Соколов А.В., Черноус В.В. Экстремизм и межэтнические отношения в молодежной среде России. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 84.
2. Макаров Д., Кузнецов А. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня // Универсальные базы данных изданий России и стран СНГ. Url: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12358157>
3. Ольшевский Д.В. Политический пиар. – СПб.: Питер, 2003.
4. Романов П.В., Щербланова В.В, Ярская-Смирнова Е.Р. Политический дискурс. Женщины-террористки в интерпретационных моделях российских СМИ (дискурс-анализ газетных публикаций) // Полис. – 2003. – № 6.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Алимова Е.Е.

Ценностно-смысловые барьеры педагогов-руководителей
в процессе повышения квалификации:
проблема интерпретации и типологии

Обучение в ИПК должно носить инновационный, опережающий характер, определяющий содержание подготовки слушателей так, чтобы изменялись отношение и позиции педагогов и руководителей к профессиональной деятельности и миссии школы. Образовательный процесс в ИПК должен быть направлен на то, чтобы в процессе обучения были созданы условия, при которых у слушателей формировалась бы субъектная позиция и развивались рефлексивные и творческие способности. Особая часть проблемы – подготовка педагогов-руководителей, которые как показывают социологические и психодиагностические исследования зачастую не готовы действовать в соответствии с новыми профессиональными требованиями. Многие управленцы в системе образования имеют ценностно-смысловые барьеры, которые препятствуют модернизации в реальной педагогической практике.

Ключевые слова: модернизация образования, инновации в учебном процессе, педагоги-руководители, психологическая готовность, психологические затруднения, ценностно-смысловые барьеры, смыслообразование, рефлексия.

Государство и официальная внутренняя политика, наконец, центрированы на проблемах обучения и воспитания подрастающего поколения, объявив модернизацию образования приоритетным национальным проектом. Система образования должна обеспечить формирование постиндустриального, инновационного общества, глобальной экономики. Президент страны Д.А. Медведев считает, что «От подготовленности, целевых установок миллионов российских школьников зависит то, насколько мы сможем выбрать и обеспечить инновационный путь развития страны» [1]. Инновационные процессы являются закономерностью в развитии среднего и высшего образования и относятся к таким изменениям в работе системы образования, которые носят существенный характер, сопровождаются изменениями в образе деятельности и стиле мышления педагогов, вносит в среду внедрения новые стабильные элементы (новшества), вызывающие переход системы из одного состояния в другое. Инновации в образовании обретают сегодня уникальное качество социального механизма, обеспечивающего развитие ресурса развития, тем самым моделируя облик будущего общественного устройства. Происходящие в обществе процессы стимулируют учителей и руководителей

школ к разным видам инновационной деятельности, но этот процесс должен сопровождаться существенными изменениями в педагогической теории и практике учебного процесса.

Для реальных изменений в современном образовании необходимо изменить содержание образования и образовательные цели в личностно – смысловые, т. е. приближенные к ценностному миру обучающихся и их жизненным реалиям, но самое главное необходимо преодолеть те ценностные установки и стереотипы сознания, носителем которых выступают непосредственные реализаторы модернизации образования – учителя и руководители учебных заведений. Необходимо формировать творческие компетентности у учителя как субъекта модернизации, готовность к переобучению, навыки непрерывного образования, умение обучаться в течение всей жизни. Возникает серьезная проблема, связанная с тем, что, несмотря на всю очевидность необходимости образовательных реформ, преподавательский состав общеобразовательных учреждений становится на позицию скорее декларирования, чем реализации тех изменений, который инициированы государством и обществом в образовательной сфере. На уровне личностных ценностей не происходит соответствующей трансформации – отсюда барьеры как индивидуальные препятствия, которые не дают потенциалу модернизации быть реализованной в полной мере.

В последнее десятилетие интенсивно осуществляется научно-педагогический поиск в области инновационной деятельности в системе образования: различные аспекты этой проблемы исследованы в работах К. Ангеловски, В.Я. Ляудис, А.А. Орлова, С.Д. Полякова, В.Т. Фоменко, С.Ф. Хлебуновой. Разрабатываются вопросы обновления целей и содержания подготовки кадров для системы образования (С.П. Аверин, В.А. Адольф, В.Г. Гаргай, А.М. Гендин, К.М. Левитан, Л.И. Луценко, Э.М. Никитин, А.П. Ситник, Е.П. Тонконогая, В.С. Финогенко, В.П. Худоминский). Современная образовательная практика выдвигает более высокие требования к организации процесса управления общеобразовательной школой, что освещается в научных трудах В.И. Зверевой, В.Г. Куценко, В.С. Лазарева, А.Я. Найна, М.М. Поташника, Т.И. Шамовой, З.К. Ушакова, Е.А. Ямбурга. Подходы к формированию нового управленческого мышления рассматриваются в работах О.С. Анисимова, Ю.А. Конаржевского, Р.Х. Шакурова. Решению проблем повышения квалификации педагогических кадров в структурах ИПК в последние годы уделяется все большее внимание. Особенности работы институтов повышения квалификации исследованы в работах С.В. Богдановой, И.П. Глинской, Т.С. Паниной, М.М. Поташника, П.М. Худоминского; проблемам подготовки и переподготовки управленческих кадров посвящены труды В.С. Лазарева, Н.В. Немовой, П.Т. Третьякова, Т.И. Шамовой. Значительное внимание уделяется вопросам использования активного обучения в подготовке управленческих кадров, в том числе руководителей сферы образования (Ю.А. Василевский, А.А. Вербицкий, А.Я. Левин, И.Г. Никитин, Е.Н. Смирнов, А.М. Смолкин, А.А. Тюков, П.Г. Щедровицкий).

Между тем, в целом ряде работ по управленческой подготовке педагогических кадров (А.Г. Асмолов, И.В. Абакумова, А.В. Бакулин, М.М. Кашапов, М.С. Комаров, В.С. Лазарев, М.И. Рожков Э.Ф. Зеер) подчеркивается важность и необходимость исследования проблемы модернизации образования на уровне личностной ценности субъектов образовательного процесса. Проблема затруднений, или «барьеров» педагогов в учебном процессе в качестве объекта специального исследования изучалась в работах (И.А. Зимней, Ю.В. Касаткиной, А.А. Климова, Н.В. Клюевой, А.А. Коломенского, Е.С. Кузьминой, Б.Д. Парыгина, Л.А. Поварницыной, В.В. Рыжова, Е.Б. Цукановой). Барьеры в познавательной деятельности как препятствие в творческом поиске исследовались Б.М. Кедровым. Барьеры как детерминирующие факторы динамизации деятельности на разных ее этапах изучались в работах Р.Х. Шакурова и его учеников. При этом особый аспект проблемы связан с выявлением затруднений и барьеров, которые испытывают руководители образовательных учреждений с связи с новыми условиями профессиональной деятельности в период модернизации образования. Однако именно этот аспект до сих пор в психолого-педагогических исследованиях рассматривался крайне эпизодически.

С целью выявления психологической готовности педагогов руководителей к модернизации системы среднего образования на базе института повышения квалификации в течении 2009–2011 гг. было проведено исследование, которое позволило выявить следующее.

Выбор педагога-управленца в процессе введения инноваций в учебный процесс, должен осуществляться как ценностно-смысловой выбор по преодолению стереотипов. Эффект влияния стереотипов как «штампов» сознания, вырабатываемых на основе предшествующего профессионального опыта и приписывающих те или иные дескриптивные, ценностные и прескриптивные оценки, становится фактором препятствующим адекватному, полному и дифференцированному восприятию современной профессиональной реальности педагога-управленца на уровне личностной ценности.

Противоречие между профессиональными установками и новыми требованиями педагогов-руководителей может порождать специфические ценностно-смысловые барьеры педагогов-руководителей, которые проявляются в затрудненной смысловой актуализации соотнесения внешнего объекта деятельности с внутренней потребностью субъекта, невозможностью субъективного переноса смыслового содержания предшествующего опыта в новые профессиональные условия.

Преодоление ценностно-смысловых барьеров может стать важным фактором педагогического управления процессами модернизации современной системы образования. В качестве основных условий для этого выделяются: необходимость отказа от информационного давления, от авторитарных оценок, морализаторства; понимание реальных потребностей и интересов обучаемых; освещение проблем инноваций в разных ракурсах, позитивная установка на разрешение противоречий, информационная новизна; право управленца на собственные оценки.

Специально организованная методическая система в системе повышения квалификации с использованием направленных и опосредованных технологий на основе смысловых интенций педагогов-руководителей (контекст, аналогичный реальным профессиональным ситуациям, характерным для педагогической деятельности управленца, задания на раскрытие личностных смыслов данного контекста, трансформация смыслов в совместной деятельности, задания на осмысление альтернатив, смыслопорождающий диалог) дает возможность педагогу-руководителю, проектировать профессиональные перспективы, ориентированные на преодоление ценностно-смысловых барьеров.

Какие же причины препятствуют реализации модернизации образования в реальной практике учебного процесса по мнению директоров школ (в процессе опроса просили написать три самых главных причины)?

Таблица 1

Основные причины, препятствующие реализации модернизации образования в реальной практике учебного процесса

№	Причины	% от количества опрошенных педагогов-руководителей
1.	Плохое материальное обеспечение общеобразовательных школ	84 %
2	Плохое техническое оснащение школ	61 %
3	Общий низкий образовательный и культурный уровень населения	34 %
4	Непоследовательность в этапах модернизации отечественного образования	78 %
5	Профессиональные стереотипы большинства учителей	83 %
6	Низкий статус образования в отечественной системе позиционируемых ценностей	57 %

Примечание: в таблице не представлены результаты ответов, которые набрали менее 40 %.

Анализ результатов анкетирования, позволил определить, что большинство директоров школ в качестве основных причин, препятствующих реализации модернизации выделяют: плохое материальное обеспечение общеобразовательных школ, профессиональные стереотипы большинства учителей и непоследовательность в этапах модернизации отечественного образования. Это говорит о том, что в качестве главных виновников в реализации модернизации директора выделяют:

- деятельность государства (недостаточное материальное обеспечение);
- систему подготовки и переподготовки учителей (невозможность преодолеть стереотипы);

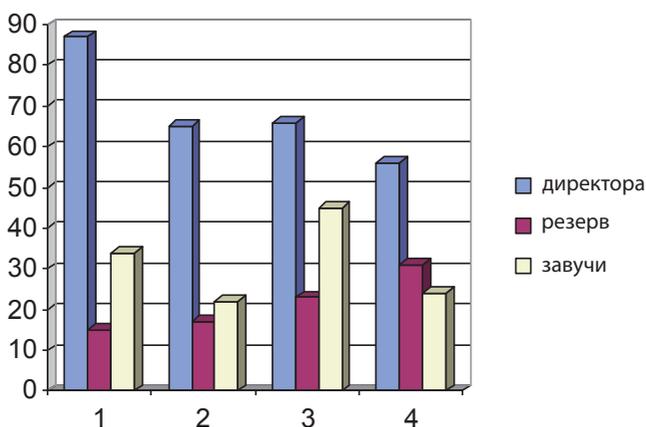
– деятельность чиновников в системе образования (непоследовательность проводимых реформ).

При этом лишь небольшая часть опрошенных управленцев в качестве причины неудачи выделяют уровень подготовки самих педагогов-руководителей (менее 7 %). Однако, опрос учителей свидетельствует об обратном – большинство педагогов (более 50 %) считают, что именно деятельность их руководителей препятствует реализации инновационных подходов в современной системе образования и именно учителя в своих ответах указывают, что проводимые реформы часто не вписываются в систему личностных ценностей управленцев.

Для выявления личностных факторов, затрудняющих деятельность педагогов-руководителей, которые могут лежать в основе формирования их ценностно-смысловых барьеров, была разработана анкета, которая на начальном этапе исследования, была предложена педагогам управленцам. В исследовании приняли участие директора, заместители директоров и представители кадрового резерва общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону и Ростовской области в количестве 344 человека. Средний возраст респондентов составил 38 лет, педагогический стаж не менее 10 лет. Для исследования особенностей личностной сферы педагогов-руководителей различной степени вовлеченности в модернизацию образовательного процесса, была разработана анкета открытого типа, направленная на выявление позиции личности относительно процессов модернизации образования, степени активности и инициативности, отношение к участию в проводимых реформах, оценка собственной значимости в успехе модернизации. Структурно анкета представлена блоком биографической информации (пол, возраст, Ф.И.О. – отмечалось по желанию респондента) и вопросами, предполагающими открытые ответы. Всего в анкете 12 вопросов, которые могут быть объединены в несколько блоков. Первый блок вопросов направлен на выяснение позиции личности по отношению к инновациям в образовании в настоящий период времени (ЕГЭ, новые образовательные стандарты) и планов на будущее (планирует ли воплощать инновации в жизнь, хотели ли бы, чтобы в обновленной школе учились его дети), мотивы участия. Второй блок вопросов ориентирован на выявление сформированности понятийного аппарата в интересующей нас области (в чем разница между реформами и модернизацией в образовании, что такое инновационные образовательные технологии). Третий блок вопросов направлен на определение позиции личности по отношению к образовательной политике государства и степени включенности в модернизацию образования чиновников и коллег. Последние вопросы состоят из трех частей, и просят описать респондента себя в отдаленной перспективе: через 5, 10 и 20 лет, а также ответить на вопрос: «Какой Вы видите нашу общеобразовательную школу через 5, 10 и 20 лет?». Данные вопросы коррелируют с вопросом о мотивации участия в модернизации образования и перспективой занятия модернизацией в будущем. Анализ полученных данных производился методом содержательного контент-анализа.

На первом этапе анализа анкеты было выявлено, что ответы работающих директоров школ качественно отличаются от ответов представителей кадрового резерва и завучей школ, которые в значительной степени были похожи на ответы, даваемые учителями (я бы сделал так, но у меня нет такой возможности). Только работающие директора рефлексиируют себя как субъектов преобразований (да, есть то, что зависит именно от меня). Они признают, что зачастую именно их деятельность определяет, в какой степени модернизация успешно реализуется на уровне конкретного учебного заведения (диаграмма 1).

- 1 – успешность внедрения в практику учебного процесса различных нововведений;
 2 – статусный уровень школы (показатели по различным рейтингам и проверкам);
 3 – уровень технической оснащённости школы;
 4 – взаимоотношения в педагогическом коллективе.

Диаграмма 1. Выраженность мнения о том, ситуация в школе, в которой они работают, зависит от их собственных инициатив

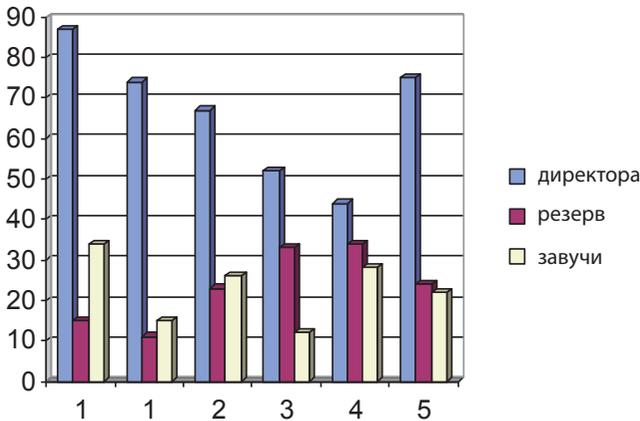
Полученные результаты свидетельствуют, что проводимые в школе инновации в наибольшей степени зависят от особенностей деятельности директора школы, а не от работы завуча или представителей кадрового резерва.

В качестве единиц анализа текста при обработке анкет были выбраны тема и слово. Категории контент-анализа были определены смысловым полем вопросов анкеты. Все они были ориентированы на выявление особенностей ценностно-смысловых установок директоров относительно их собственных возможностей реализации модернизации и субъективных факторов, которые мешают им полностью самореализоваться в данном профессиональном пространстве на уровне «личностной прирассности».

Проведенный контент-анализ позволил выявить те затруднения, которые в наибольшей степени свидетельствуют о наличии следующих ценностно-смысловых барьеров у директоров школ в период модернизации образования.

1. Барьер инициации – затруднение при формировании ориентировочной основы деятельности (проблема ценностно-смыслового выбора).
2. Барьер рефлексии – затруднения в увязывании ориентировки с остальными компонентами субъектного опыта (проблема экстраполяции прошлого субъектного опыта в ситуацию здесь и сейчас).
3. Барьер личностной активизации – затруднения при ориентации в собственных возможностях (могу ли я лучше приспособить свои усилия к решению значимых задач, хочу ли я принять в этом участие и т.д.).
4. Барьер операционализации – затруднения в объединении конкретные средства преобразования ситуации и своих возможностей (как именно я могу это сделать при данных обстоятельствах).
5. Барьер сотрудничества – неверие в возможность работать в команде, отсутствие стремления привлекать сотрудников к решению проблемных задач.

1. – барьер инициации; 2. – барьер рефлексии; 3. – барьер личностной активизации; 4 – барьер операционализации; 5. – барьер сотрудничества.

Диаграмма 2. Результаты сравнительного анализа наличия ценностно-смысловых барьеров у директоров школ, завучей и представителей кадрового резерва

Данные сравнительное исследование показали, что данные виды барьеров в наибольшей степени были свойственны именно директорам школ. При этом наиболее часто встречаются барьер инициации, барьер рефлексии и барьер сотрудничества.

У директоров на продвинутом и заключительном этапе прохождения повышения квалификации с использованием дидактической системы по преодолению ценностно-смысловых барьеров был выделен достаточно высокий уровень развития смысловой ориентации в целом в сравнении с результатами других управленцев и тех директоров, которые не принимали участия в экспериментальной части исследования, однако, у директоров, которые к заключительному этапу эксперимента прошли повышение квалификации по экспериментальной системе в более явной степени ($p > 0,01$) проявилась активная устремленность в будущее, направленность на осознание смысла своей жизни, на цели отдаленного будущего (рефлексивная интроспекция и рефлексия), при этом складывалось обобщенное отношение к жизни, расширялось ценностно-смысловое пространство.

В основе преодоления ценностно-смысловых барьеров лежит самораскрытие и рефлексия как актуализация личностного смысла в осваиваемой инновационной деятельности. Управленец, преодолевая барьер, начинает опираться на принципы субъектности, создания положительного эмоционального фона, психологического комфорта, индивидуализации и дифференциации, позволяющие системно и целостно использовать личный предшествующий профессиональный опыт.

Дидактическая система преодоления ценностно-смысловых барьеров включает: методы, обеспечивающие самоактуализацию субъектного опыта педагогов управленцев (эмоционально-психологические установки и эмоционально-психологические обобщения, эмоционально-психологическое опережение, личностно-смысловой контекст, преобразование теоретического материала в образный); диалоговые методы (внешний, внутренний, множественный диалоги, диалоги разнохарактерных профессиональных практик); методы, обеспечивающие самовыражение педагогов управленцев (ситуация выбора, персонализация, задания на проявления саморефлексии); методы психолого-дидактической поддержки управленцев (ситуации успеха, зоны самодифференциации и самоиндивидуализации, метод личностно значимых конкретных ситуаций, смысловое погружение, ценностное ориентирование); методы проблемно-творческого типа (инициации творческой деятельности, проблемные ситуации, состояние «инсайта», задания по жизненным впечатлениям, на выражение самоощущения.

В качестве технологий преодоления ценностно-смысловых барьеров педагогами руководителя в период повышения квалификации могут быть использованы следующие дидактические технологии: прямое смыслотехническое воздействие на структуру альтернатив посредством создания иллюзии отсутствия выбора; технологии, направленные на «удержание» представлений о сложном внутреннем мире учащегося и актуализацию глубинных ценностей; технологии актуализации ценности профессиональной деятельности.

При построении технологий преодоления ценностно-смысловых барьеров преподаватель системы повышения квалификации должен руководствоваться следующими дидактическими принципами: принципом актуальности; принцип исследовательской позиции; принцип объективации поведения; принцип партнерского общения.

Литература

1. Медведев Д.А. «О воспитании молодежи и модернизации образования» в Послании Федеральному Собранию // sovetektorov.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2...id Акимова Е.Е. Педагогические основы использования конфликта в образовательном процессе: дис.... канд. пед. наук. – М., 1999. – 226 с.
2. Байер И.В. Развитие рефлексивно-инновационного потенциала государственных служащих: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997. – 202 с.
3. Волкова М.Н. Психология субъекта: хрестоматия. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2007. – 182 с.
4. Поляков С.Д. В поисках педагогической инноватики. – М., 1993.

Балакина А.А.

Особенности отношения к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов

Статья посвящена анализу типов и параметров отношений к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов (Москвы, Ростова-на-Дону и Крымска). Статья содержит введение в проблему изучения отношений внутри городского сообщества, проблему взаимосвязи типа городского пространства с содержанием и структурой отношения к Другому, а также изложение части проведенного диссертационного исследования, посвященного изучению территориально-пространственных факторов отношения к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов. Результаты проведенного исследования подтверждают гипотезу о наличии различий параметров и видов отношений к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов.

Ключевые слова: отношение к Другому, обобщенный Другой, конкретный Другой, типы отношений, социально-психологические потребности, неосознаваемое отношение к Другому.

Отношение человека с другими людьми является необходимым условием человеческого развития, формируется с момента его рождения и влияет на становление системы отношений в целом [9, 11]. В психологии принято выделять четыре группы факторов, опосредующих возникновение и динамику отношений личности (к себе, к другому, к миру) [16]. К первой группе относят факторы, детерминирующие становление и развитие системы отношений человека в онтогенезе. Ко второй группе (т. н. «личностные» факторы) исследователи относят такие компоненты системы отношений человека, как отношение к себе и отношение к обобщенному Другому [9, 11, 16]. Третья группа (т. н. «групповые» факторы) включает в себя процессы групповой динамики. К четвертой группе относятся фактор времени, фактор пространственной близости, культурно-исторический фактор и фактор «жизненное событие». Последняя группа факторов в психологии названа также «внешней детерминацией», что подчеркивает обусловленность динамики отношений рядом независимых от субъекта переменных. В последнее время исследователи рассматривают в качестве еще одного фактора формирования отношений субъекта территориально-пространственную организацию окружающей его среды (В.Т. Шимко, 2006; Э.В. Сайко, 2001; Р. Сеннет, 2002; В.Л. Глазычев, 2007; А. Желнина, 2005 и др.). Необходимость изучения данной проблемы обусловлена актуальным изменением системы социального взаимодействия в условиях современного общества, трансформацией социальных отношений субъекта, а именно. Взаимообусловленность территориально-пространственных аспектов города с социальными процессами к настоящему времени нашла отражение в многочисленных зарубежных (К. Линч, Р. Сеннет, С. Тробриндж, М. Хейдметс, Г. Филлинг, К. Ауэр и др.) и отечественных (В.Л. Глазычев, М.С. Шимко, М.Я. Черноушек,

М.Ю. Крампен, Б.Г. Ананьев, А.П. Флоренский, Н.Н. Нечаев и др.) исследованиях, связанных с изучением различных аспектов жизнедеятельности человека в пространстве города. В последнее время все больше ученых обращаются к изучению социокультурных аспектов процессов социального взаимодействия в городской среде. Усложняется содержание исследований, направленных на изучение пространственно-временных параметров поведенческого аспекта отношений. В работах Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанова, А.П. Люсый, А.Ю. Завалишина, Е.В. Морозовой, К.А. Пуниной, М.В. Ромашовой, И.С. Самошкиной отмечается тесная взаимосвязь специфики социального взаимодействия субъектов, особенностей их социального поведения с феноменом территориальной идентичности. В исследованиях С. Милграма, В. Глазычева, И.В. Тулиганова, К. Маслинского, Е.В. Куриленко и др. подчеркиваются взаимообусловленность и взаимосвязь образа города и отношений индивида к Другим вообще, его межличностных отношений, отношений к городу [3, 5, 8, 10, 14]. Однако, несмотря на разнообразие имеющихся исследований, на сегодняшний день территориально-пространственная организация городской среды как фактор, целостно влияющий на типы и параметры отношения к Другому, исследован недостаточно. Между тем на основании вышеуказанных работ мы можем утверждать, что типы и параметры отношения жителя города к Другому взаимосвязаны с территориально-пространственными параметрами городской среды, и предположить, что эта взаимосвязь опосредована типом города.

В данной работе мы обращаемся к таким территориально-пространственным параметрам городской среды, как: масштаб города, плотность населения, зонирование, дизайн, центральная часть/периферия, совокупность которые позволяют дифференцировать города разного уровня [2, 5, 15].

Таким образом, целью нашего диссертационного исследования является сравнительное изучение и описание типов и параметров отношения к Другому жителей мегаполиса, крупнейшего и малого городов.

В данной статье представлены результаты проведенного сравнительного анализа параметров отношения к Другому жителей трех городов: Москвы, Ростова-на-Дону и Крымска, отличающихся по вышеуказанным территориально-пространственным параметрам. Опираясь на определение отношений В.Н. Мясичева, Ж.-П. Сартра, Л.Я. Гозмана, мы вслед за ними обозначаем два вида исследуемых отношений к Другому: к обобщенному Другому и конкретному Другому. Отношение к конкретному и обобщенному Другому были изучены на осознаваемом и неосознаваемой уровнях, на уровне выраженности поведения и требуемого отношения от других.

В нашем исследовании приняли участие 120 жителей Москвы, 100 жителей Ростова-на-Дону и 100 жителей Крымска в возрасте от 21 до 37 лет, проживающих в различных районах названных городов. Методы исследования: опросник межличностных отношений» В. Шутца; блок методик, диагностирующих различные виды отношений к другим людям («шкала принятия других» Фейя, «шкала враждебности» Кука-Медлей, «шкала доброжелательности» Кэмпбелла, «шкала

доверия» Розенберга, «шкала манипулятивного отношения» Банта), адаптированный Ю.А. Менджерицкой; опросник межличностных отношений Т. Лири, цветовой тест отношений М. Эткинда.

Для выявления значимых различий по типам, параметрам отношений к Другому, а также отношения к самому городу был произведен сравнительный анализ данных с помощью Н-теста по методу Крускала и Уоллиса.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа модальностей отношений

№ п/п	Модальность	Уровень значения	Средний ранг 1 гр. (Москва)	Средний ранг 2 гр. (Ростов)	Средний ранг 3 гр. (Крымск)
1	Принятие	0,001	158,95	169,99	125,74
2	Доброжелательность	0,000	184,35	157,65	108,29
3	Доверие	0,014	158,76	165,79	131,92
4	Враждебное отношение (цинизм)	0,000	182,56	111,75	153,67
5	Манипулятивное отношение	0,007	170,40	132,46	148,46

Согласно данным таблицы 1, наиболее значимые различия по вышеперечисленным видам отношений (см. методы исследования) были получены по таким модальностям отношения к Другому, как: принятие, доброжелательность, доверие, враждебное отношение (цинизм), манипулятивное отношение. Доброжелательность, враждебное отношение (цинизм) и манипулятивное отношение в большей степени выражены среди респондентов Москвы. У жителей Ростова-на-Дону преобладают показатели уровня принятия и доверия.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа основных социально-психологических потребностей в отношениях

№ п/п	Параметр	Уровень значения	Средний ранг 1 гр. (Москва)	Средний ранг 2 гр. (Ростов)	Средний ранг 3 гр. (Крымск)
1	С(е) Потребность в контроле (выраженное поведение)	0,044	167,96	136,72	135,89
2	А(е) Потребность в любви (выраженное поведение)	0,028	153,00	160,35	130,11

Продолжение таблицы 2

3	A(w) Потребность в любви (требуемое поведение)	0,004	130,78	171,70	144,77
4	I(w) Потребность во включении (требуемое поведение)	0,000	162,77	176,24	103,23

Согласно данным таблицы 2, наиболее значимые различия были получены по следующим типам социально-психологических потребностей: потребности в контроле (C(e), $p = 0,044$) и потребности в любви (A(e), $p = 0,028$) (на уровне выраженного поведения), потребностей в любви (A(w), $p = 0,004$) и включении (I(w), $p < 0,001$) (на уровне требуемого поведения). Среди респондентов Москвы была выявлена наибольшая выраженность потребности в контроле C(e). У жителей, проживающих в Ростове-на-Дону, обнаруживается наиболее высокая представленность потребности в любви A(e), A(w) (на уровнях выраженного и требуемого поведения), а также потребности во включении I(w) (на уровне требуемого поведения). Среди респондентов Крымска не было выявлено наиболее высоких показателей выраженности социально-психологических потребностей. Также в результате попарного сравнения городов с помощью U-критерия Манна-Уитни было выявлено, что с увеличением разницы в размере городов увеличивается и количество значимых различий в сфере межличностных потребностей.

Таблица 3

**Результаты сравнительного анализа типов
в отношении к обобщенному Другому**

№ п/п	Тип отношения	Уровень значения	Средний ранг 1 гр. (Москва)	Средний ранг 2 гр. (Ростов)	Средний ранг 3 гр. (Крымск)
1	Агрессивно-прямолинейный	0,012	142,45	134,47	169,60
2	Покорно-застенчивый	0,000	143,13	112,40	193,94
3	Зависимо-попкорный	0,000	157,74	111,85	176,74
4	Сотрудничающе-конвенциональный	0,000	149,09	122,39	176,81
5	Ответственно-великодушный	0,000	149,91	106,16	191,88

Согласно данным таблицы 3, наиболее значимые различия были обнаружены по 5 из 8 типов межличностных отношений: прямолинейно-агрессивному, покорно-застенчивому, зависимо-попкорному, сотрудничающе-конвенциональному, ответственно-великодушному. Наиболее высокий уровень представленности данных типов отношения к Другому наблюдается среди жителей Крымска, наиболее

низкими показателями их выраженности характеризуется Ростов-на-Дону. Мы видим, что в основном выделенные типы отношений сосредоточены вокруг оси «дружелюбие-агрессивность».

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа неосознаваемого отношения к обобщенному Другому

№ п/п	Объект	Уровень значения	Средний ранг 1 гр. (Москва)	Средний ранг 2 гр. (Ростов)	Средний ранг 3 гр. (Крымск)
1	Другие	0,021	143,10	161,13	177,23
2	Житель своего города	0,000	132,36	168,35	182,68
4	Коренной житель	0,034	142,79	165,23	173,49
5	Приезжий житель	0,000	115,47	154,57	216,38

На основе представленных в ней данных, мы можем сделать вывод, что с возрастанием величины города и соответственно изменением его территориально-пространственных параметров уменьшается интенсивность отношения к обобщенному другому.

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа неосознаваемого отношения к «недифференцированному обобщенному» Другому

№ п/п	Объект	Уровень значения	Средний ранг 1 гр. (Москва)	Средний ранг 2 гр. (Ростов)	Средний ранг 3 гр. (Крымск)
1	Друзья	0,003	159,86	181,42	137,15
2	Соседи	0,000	139,83	132,30	209,92
3	Коллеги	0,001	152,34	140,97	186,49

Согласно данным, представленным в этой таблице, мы можем заключить, что с возрастанием величины города и, соответственно, изменением его пространственной организации снижается интенсивность неосознаваемого отношения к «недифференцированному обобщенному» Другому по формальному и пространственному признаку. Сравнительный анализ данных, проведенный с помощью Н-теста по методу Крускала-Уоллиса, не выявил значимых различий в отношении к конкретному Другому респондентов, проживающих в городах разного типа.

Таким образом, приведенные результаты диссертационного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Уровень пространственной организации города (тип города) обуславливает различия в модальностях и типах отношения к обобщенному Другому, в социально-психологических потребностях в отношениях и их иерархической структуре.
2. Уровень пространственной организации города (тип города) детерминирует различия неосознанного отношения к различным типам Другого: обобщенному, «недифференцированному обобщенному» и конкретному Другому.

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
2. Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007. – С. 64–87.
3. Глазачев В.Л. Воспитание пространства // Знание-сила. – 2004. – Август. – С. 39–46.
4. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm
5. Де Серто М. По городу пешком // *Communitas/Сообщество*. – 2005. – № 2.
6. Желнина А. Малая Садовая улица в Санкт-Петербурге: опыт становления публичного пространства // *Communitas/Сообщество*. – 2006. – № 1. – С. 53–71.
7. Иовлев В.И. Архитектурный хронотоп и знаковость // Семиотика пространства: сб. науч. тр. Международной Ассоциации Семиотики пространства / под ред. А.А. Барабанова. – М.: Архитектон, 1999.
8. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982.
9. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М., 1986.
10. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. Ч. 1. Человек в большом городе. – СПб., 2000.
11. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2003.
12. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002.
13. Спирченко М.А. Образ, имидж и брэнд туристского города // http://archvuz.ru/numbers/2007_22/k23
14. Хейдметс М. Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // Человек среда пространство: исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. – Тарту: ТГУ, 1979. – С. 129–161.
15. Шимко М.С. Особенности зрительного восприятия. – М.: Высшая школа, 1990.
16. Шкурко Т.А. Концепция отношений личности // Социальная психология личности. – М.: Гардарики, 2001. – С. 129–142.
17. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–99.

Белоконь И.А.

Психологические особенности трансформации смысловой сферы в период получения дополнительной квалификации

В современной психологической науке сформировано новое научное направление, которое рассматривает личностные трансформации в специфическом профессиональном контексте и выявляет, как именно профессиональный контекст влияет на личностное, не только разрушая и деформируя его, но и как стимулирующий развитие ценностных интенций личности. Особый аспект исследований связан с выявлением специфики влияния на личность условий в период получения дополнительной квалификации. Люди разной профессиональной направленности по-разному воспринимают и ассимилируют новые профессиональные знания и умения, при этом, особая группа – офисные сотрудники, уже имеющие высшее образование.

Ключевые слова: смысловая сфера, ценностно-смысловые образования, ценностно-смысловые барьеры, смысложизненные стратегии, позитивные стратегии, кризисные стратегии, личностные трансформации.

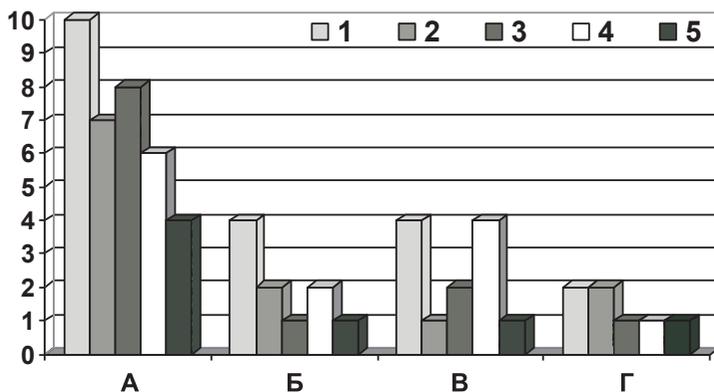
Получение дополнительной квалификации в годы после экономического кризиса, становится все более и более популярным. Присвоение дополнительной квалификации не означает получения второго высшего профессионального образования, но является практически аналогом второго высшего образования. В описываемом исследовании рассматривалось получение квалификации на базе уже имеющегося у слушателя высшего образования. Проведенный анкетный опрос (в нем приняли участие более 500 специалистов, работающих в различных профессиональных областях) позволил выявить, какие именно категории служащих, в наибольшей степени хотели бы получить дополнительную квалификацию: медики – 7 %, педагоги – 13 %, сотрудники сферы обслуживания – 24 %, банковские служащие и сотрудники страховых компаний – 52 %. Если в 2007 г. лишь 27 % сотрудников банков и страховых компаний хотели получить дополнительную квалификацию (Н.М. Кадыкина), то в середине 2011 г. уже более 50 % специалистов данного профиля считают, что дополнительная квалификация им очень нужна, как для профессионального роста, так и для решения своих собственных психологических проблем (коммуникативные взаимодействия, преодоление ценностно-смысловых барьеров, снижение уровня личностной тревожности). Это подтверждают и другие исследования. Психологи говорят о новой «болезни от работы» XXI в., которая самым негативным образом сказывается на здоровье человека. В статистических исследованиях приводятся следующие данные: удовлетворение от работы получают только 16,8 % опрошенных банковских служащих, в то время как в других областях (педагоги, медики) эта цифра достигает 42,2 %. В постоянном угнетенном состоянии находятся 74 % респондентов – работников офисов, и 53% – вне ее. Напряженная работа,

связанная с психологическими стрессами, все чаще приводит к депрессии среди сотрудников офисов – 22,6 %, что в два раза больше, чем в других группах опрошенных. Кроме того, авторы исследования (П.Н. Ермаков, Н.М. Кадыкина) указывают на то, что психическая неуравновешенность и подавленное состояние приводят к различным заболеваниям. Многие офисные служащие (особенно сотрудники банков и крупных страховых компаний), боясь потерять свое место во время болезни, предпочитают не обращаться к врачам, а принимать то снотворное, то стимулирующие физическую активность лекарства и биологические добавки. Самолечением занимается 45,1 % опрошенных в банковской сфере и только 11,1 % в других секторах. Проведенный опрос позволил также выявить, что женщины переживают стресс от работы значительно чаще, чем мужчины. Были выявлены факторы, которые, по мнению участников опроса, в наибольшей степени их травмируют:

- 1) высокий темп работы (напряженный темп);
- 2) высокий уровень ответственности;
- 3) социально-психологический климат и регуляции взаимодействия между служащими;
- 4) отсутствие четкой иерархии;
- 5) высокие требования к надежности (диаграмма 1).

Факторы оценивались по 10-бальной шкале.

А – банковские служащие и сотрудники страховых агентств; Б – педагоги;
В – врачи; Г – сотрудники сферы обслуживания (гостиницы, рестораны).

Диаграмма 1. Сравнительный анализ выраженности травмирующих факторов у работников разных профессиональных групп

Ощущение неуверенности в своем профессиональном будущем и предельно напряженный темп работы, во многом инициирует представителей группы «А» к получению дополнительной квалификации. При этом можно выделить три направления, по которым сотрудники офисов хотели бы получить дополнительную квалификацию:

- изучение иностранного языка – 17 %;
- программы повышения квалификации, непосредственно связанные с совершенствованием с профессиональными обязанностями – 37 %;
- программы, связанные с психологией управления и коммуникативной психологией – 56 %.

В настоящем исследовании проводился сравнительный анализ трансформаций ценностно-смысловой сферы у сотрудников банков, страховых компаний, риэлторов, туроператоров прошедших программу по получению дополнительной квалификации «Психология управления и кадровый отбор» (147 человек); «Переводчик в сфере коммуникаций» (34 человека) и как контрольная группа, выступили те сотрудники, которые вообще не получали дополнительной квалификации (69 человек).

В современной общепсихологической теории (И.В. Абакумова, В.И. Бакулин, С.Ю. Головин, Д.А. Леонтьев, А.Н. Сухова) рассматриваются ценностно-смысловые барьеры. Строительным материалом образа мира выступают личностные смыслы как продукт человеческого отношения к нему. Смысл обладает системообразующей способностью, способностью распространять свое влияние на все системы человека и подчинять их себе в той или иной мере. Д.А. Леонтьев определяет смысловую сферу личности как особым образом организованную совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающих смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах. Под смысловой регуляцией понимается система психологических механизмов, обеспечивающих сообразность протекания деятельности в интенциональной сфере субъекта. Отношения человека с миром формируют у него смысловые связи, превратившись затем в смысловые структуры, они организуют этот мир. Д.А. Леонтьев выделяет динамическую смысловую систему, относительно устойчивую, автономную, иерархически организованную, включающую в себя ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующую как единое целое. Она же определяет мировоззрение человека. Смысловая сфера является неоднородным и многоуровневым образованием. Компоненты смысловой сферы несут смыслообразующую функцию, включаясь в протекание смысловой регуляции жизнедеятельности субъекта. Индивидуальные препятствия в смысловой регуляции как раз и можно определить как ценностно-смысловые барьеры личности.

Трансформации ценностно-смысловой сферы личности включают содержательно-смысловые и динамически-мотивационные изменения, а также изменения внутренних связей и отношения между разноуровневыми компонентами

и параметрами, определяющими уровень личностной устойчивости и профессиональной надежности сотрудников офисной сферы.

Стратегии трансформаций ценностно-смысловой сферы могут типологизироваться как позитивные, обеспечивающие высокий уровень профессиональной самореализации, и как кризисные, ведущие к деформациям и даже регрессиям в отношениях с окружающими людьми и общественными (социальными) структурами (А.А. Волков).

Сотрудники с позитивными стратегиями ориентированы в своих смысложизненных устремлениях на саморазвитие, отличаются наибольшей структурированностью и последовательностью в ситуациях личностного выбора. Они продуктивны в нахождении промежуточных смыслов своих действий, им свойственна активная и просоциальная мировоззренческая позиция.

Кризисные стратегии обусловлены наличием ценностно-смысловых барьеров, которые возникают в процессе профессиональной деятельности, препятствуя самореализации личности в этом важнейшем жизненном контексте. Ценностно-смысловые барьеры, присущие сотрудникам офисов, будут различными в зависимости от объективных и субъективных факторов. К объективным (интерперсональным) факторам относятся регламент профессиональной деятельности и профессиональный стаж.

Из субъективных факторов наиболее значимыми являются: уровень развития смысловой сферы самого сотрудника, особенности его профессиональной мотивации, ценностные ориентации, и общая направленность личности. При этом, существенным является направленное воздействие со стороны профессионального окружения, ориентированное на формирование соответствующих смысловых установок как важнейшего катализатора интроспективных потребностей и, как следствие, тех его смысловых интенций, которые выводят, со временем, личность на уровень самореализации, в форме потребности в самопонимании, рефлексии, самооценке при анализе успехов и неудач в процессе профессиональной деятельности.

Наиболее часто ценностно-смысловые барьеры возникают в связи с отсутствием рефлексии, затруднениями в вербализации самоотношения и экстраполяции личностного смысла в ситуации связанные с профессиональной деятельностью. Эти барьеры проявляются в затрудненной смысловой актуализации соотношения внешнего объекта деятельности с внутренней потребностью, невозможностью субъективного переноса смыслового содержания одной ситуации в другие профессиональные условия.

Для качественного анализа полученных диагностических результатов был проведен сравнительный анализ, и было выявлено, что служащие, прошедшие обучение по программе «Психология управления и кадровый отбор» имеют следующую конфигурацию компонентов стратегии смысложизненной ориентации: Цели > ЛК-Я > ЛК-Жизнь > Результат > Процесс. Они не удовлетворены своей жизнью в настоящем и средне оценивают продуктивность пройденного отрезка жизни, при этом, однако, нацеленность в будущее придает жизни полноценный смысл.

Нацеленности на цели способствуют их представления о себе как о сильных личностях, обладающих достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о её смысле, вопреки тому, что человеку не всегда дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Сотрудники, которые учились по программе «Переводчик в сфере коммуникаций» имеют следующую конфигурацию компонентов стратегии смысловой ориентации: Цели > Результат = ЛК-Я > ЛК-Жизнь > Процесс. Для них большое значение имеет наличие цели в жизни. Они не удовлетворены своей жизнью в настоящем. Они оценивают свой жизненный путь в соответствии со своими представлениями о своих личностных возможностях и свободе выбора, причем свобода выбора с точки зрения этих работников в профессиональной реализации ограничена.

На основании диагностики можно сделать вывод, что представители 1-й и 2-й группы имеют четкую направленность на изменение (100% и 76% соответственно). Представители 3-й группы (те, кто не получил дополнительной квалификации) продемонстрировали приверженность сохранению тех порядков, которые уже существуют или допускают лишь незначительные изменения (соответственно 47% и 53%).

Для представителей 1-й группы характерна ярко выраженная мотивация преобразования и достижения (таб. 1). Даже у женщин (а в нашем исследовании в 1-й группе их было подавляющее большинство) они во многих чертах сходны с эталонными характеристиками, свойственными мужчинам. Это касается выраженной ориентации на достижения и сниженной ориентацией на коммуникацию.

Таблица 1

Первичные результаты (среднестатистические данные по группе, имеющей дополнительную квалификацию по программе «Психология управления и кадровый отбор»)

Мотивация:	деньги		коллектив		профессия		сумма баллов, %	
	р	п	р	п	р	п		
преобразовательная;	4	4	5	5	4	1	23	22,4
коммуникативная;	4	1	0	5	5	3	18	13,95
утилитарная;	3	1	2	2	5	1	13	11,2
Кооперативная;	5	4	4	1	4	2	20	18,71
конкурентная	5	0	3	3	2	0	13	12,1
достижения	5	1	4	5	4	1	20	22,56

Результаты тестирования свидетельствуют об активной позиции представителей этой группы в профессиональной деятельности в целом (преобладание результата над процессом). Ярко выражена кооперативная мотивация, что говорит

об ориентации на интересы общества в целом, а не только на свои личные или сотрудников нотариальной конторы, в которой работают данные члены эмпирической группы. Наибольшее значение получил мотив достижения, что подчеркивает стремление преодолеть возникающие трудности, желание ставить перед собой задачи высокого уровня сложности и решать их, опираясь, главным образом, на самих себя, на свои собственные силы. Определенные искажения смысловой сферы наблюдаются по ряду стимулов. Так, например, конкурентная и преобразовательная мотивация наиболее выражены на слова «деньги» и «коллектив» и менее выражены на слова связанные с трудовой деятельностью. Нужно отметить, что зачастую представители этой группы считают, что «хороший труд» не дает человеку уверенности в том, что его оценят, и он будет иметь успех в глазах сотрудников. Такую уверенность, с их точки зрения, дают только деньги, должностное положение и уверенность в себе.

Данные полученные в результате диагностико-экспериментальной работы, свидетельствуют:

- у сотрудников банков, страховых компаний, риэлтерских и туристических фирм, происходят позитивные личностные изменения, после получения дополнительной квалификации именно по программе «Психология управления и кадровый отбор»;
- после прохождения программы они обнаруживают меньший процент ценностно-смысловых барьеров, лучше рефлексуют стратегии выхода из кризисных ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью, более оптимистично относятся к своему будущему.

Литература

1. Абакумова И.В. Смыслодидактика. Учебник для магистров педагогики и психологии. Издание второе, дополненное. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2011. – 449 с.
2. Волков А.А. Личностные трансформации сотрудников милиции общественной безопасности: результаты эмпирического исследования // Российский психологический журнал. – 2009. – Т. 6. – № 5. – С. 32–40.
3. Кадыкина Н.М. Психологические особенности смысловой саморегуляции банковских служащих среднего звена в период экономического кризиса: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009. – 22 с.
4. О введении в действие государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительных квалификаций / Приказ Минобра от 09.03.2004 № 1136.
5. Положения о порядке и условиях профессиональной переподготовки специалистов (утверждено приказом Минобразования России от 6 сентября 2000 г. № 2571). – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Copyright © 1997–2011.

Павлова Т.А.

Оценка готовности и способности проводников к корректному взаимодействию с пассажирами

В статье представлен анализ зарубежных и отечественных документов по статусу проводника за рубежом и в России. Описываются специальные контрольные упражнения по технологии оценки персонала «Ассессмент-центр», приводятся выводы по результатам исследования персонала ОАО «РЖД».

Ключевые слова: психологический профессиональный отбор и оценка проводников пассажирских вагонов, профессионально важные качества, сервисное обслуживание, корректное взаимодействие, «официально-вежливый сервис», «комфортно-вежливый сервис».

В мировой практике проводники пассажирских вагонов не рассматриваются как обслуживающий персонал. Они – лицо компании, они взаимодействуют с пассажирами по всем вопросам, возникающим при выполнении компанией своих обязательств по предоставлению транспортных услуг [1].

Проведенный нами сопоставительный анализ основных документов, описывающих и регламентирующих деятельность проводников пассажирских вагонов в ОАО «РЖД» и круга ответственности, квалификационных характеристик и программ подготовки проводников зарубежных железных дорог (Англия, Франция, Канада, Австралия, США) показал, что в отличие от зарубежных железных дорог в ОАО «РЖД» взаимодействие с пассажирами как одна из основных обязанностей проводника и его зона ответственности нигде четко и ясно не зафиксировано. То есть нигде не сказано, что взаимодействовать с пассажирами – обязанность и ответственность проводника.

В нашей отечественной практике сложилось странное противоречие. С одной стороны, проводникам нигде не вменены представительская и коммуникативная функции – быть лицом компании, вежливо и корректно отвечать на вопросы пассажиров, предоставлять всю необходимую и полезную информацию по всем моментам, связанным с поездкой в поезде.

С другой стороны, сервисная функция – быть обслуживающим персоналом (застылить постель, подавать чай и т. п.) была постепенно вменена всем проводникам пассажирских вагонов, хотя четко не прописана в регламентирующих документах ОАО «РЖД».

Такая неточность, неполнота и нечеткость определения статуса, функционала и ответственности проводников пассажирских вагонов приводят к сложностям в организации деятельности, как самих проводников, так и руководителей пассажирского комплекса.

Корректное взаимодействие персонала с клиентами является важнейшим условием работы любой компании, предоставляющей услуги. Этот принцип уже сегодня применяется на практике во многих российских компаниях, в которых разработаны стандарты и правила взаимодействия с клиентами.

Кроме того, сегодня разрабатываются и внедряются механизмы контроля соблюдения этих правил и формы поощрения и наказания за степень их соблюдения, а также схемы мотивации персонала, ориентирующие на корректную работу с клиентами.

Современная компания, предоставляющая услуги клиентам, должна нацеливать персонал на корректную работу с клиентами, стандартизировать форму взаимодействия с клиентом своего персонала и через систему обучения и мотивации внедрять современные стандарты обслуживания в повседневную работу. Необходимо также эффективный механизм контроля этого аспекта (качества работы с клиентами) производственно-сервисной деятельности.

К сожалению, эту задачу – создать систему, неукоснительно обеспечивающую корректное взаимодействие персонала с клиентами – до сих пор не решила одна из крупнейших российских компаний – ОАО «РЖД». Данную цель, очевидно, она поставила для решения в ближайшей перспективе.

При этом приходится учитывать, что эта задача – лишь одна из задач в рамках большой сверхзадачи – создания современной системы предоставления услуг (сервиса) в ОАО «РЖД» и ее филиалах [2].

Поведение персонала, непосредственная коммуникация и взаимодействие с клиентами – лишь одна составляющая качественного сервиса. При построении системы сервиса (предоставления качественных услуг) приходится учитывать как минимум десять составляющих качественного сервиса.

1. Внешнее впечатление: состояние и дизайн помещений, оборудования, внешний вид персонала.
2. Безопасность: обеспечение всем необходимым для защиты жизни и здоровья клиента, его имущества и финансов [3].
3. Надежность и точность: предоставление услуг в полном соответствии с договором и точно в срок.
4. Компетентность персонала.
5. Быстрота реагирования на запрос клиента.
6. Вежливость и обходительность персонала.
7. Доверие: честность компании и ее персонала.
8. Доступность общения с менеджерами следующего уровня при возникновении недоразумений с обслуживающим персоналом.
9. Коммуникативное и информационное обеспечение клиента: активное взаимодействие компании с потенциальными клиентами, возможность клиентов иметь всю необходимую информацию для получения услуги и во время пользования услугой.
10. Учет потребностей клиентов: наличие в компании системы учета и анализа запросов клиентов, готовность персонала понимать и учитывать запросы конкретного клиента.

Перечисленные выше составляющие могут быть учтены при планировании и разработке специальной программы создания системы качественного сервиса в ОАО «РЖД».

В нашей работе, в ходе специально организованных процедур диагностики проводников пассажирских вагонов, удалось определить особое интегральное профессионально важное качество проводника – готовность к корректному взаимодействию с пассажирами. Нами оценивались:

- 1) профессионально необходимые коммуникативные и поведенческие навыки и умения действующих проводников при взаимодействии с пассажирами;
- 2) потенциал оцениваемых проводников в плане обучения способам корректного взаимодействия с пассажирами.

Таким образом, мы оцениваем сегодняшнюю готовность к корректной коммуникации и взаимодействию с пассажирами и возможность обучения этим навыкам и умениям.

Для оценки этого важнейшего профессионального качества – корректного взаимодействия с пассажирами – были разработаны специальные контрольные упражнения по технологии оценки персонала «Ассесмент-центр» («Assessment Center» (AC)). Данная технология дает возможность произвести комплексную оценку персонала, определить его профессиональный и интеллектуальный потенциал. Метод AC является наиболее достоверной технологией оценки и отбора персонала. Иностранные специалисты оценивают достоверность метода AC 70–75 % [4].

При использовании метода AC группа проводников на основе многочисленных упражнений, по точно установленным правилам, с использованием ситуаций, близких к реальным, наблюдается и оценивается специально подготовленными экспертами. К достоинствам метода следует отнести то, что с каждым участником AC проводится индивидуальное собеседование по результатам оценки, что, в свою очередь, дает возможность построения программы индивидуального развития и профессиональной карьеры [5, 6].

Для оценки степени готовности проводников к качественному сервису были подобраны два упражнения. Выполнение этих упражнений каждым проводником было записано на видеокамеру. Затем выполнение упражнений проанализировано экспертами по сервису и психологии общения, которые отвечали на два вопроса: 1) показывает ли сейчас оцениваемый навыки и умения корректного обслуживания пассажиров или нет, 2) есть ли у него потенциал освоить эти навыки и умения. Таким образом, каждому прошедшему упражнения была дана оценка по критериям готовности-неготовности и способности-неспособности к корректному взаимодействию с клиентами.

1-е упражнение – проводнику предлагается продемонстрировать, как он может приветствовать пассажиров, будучи представителем и лицом компании по следующей схеме: вежливое приветствие – представиться пассажиру (в т. ч. назвать свое имя и фамилию) – кратко сообщить минимальную информацию о поезде и дополнительных услугах.

2-е упражнение – проводнику предлагается продемонстрировать в двух стилях (официально-вежливом и комфортно-вежливом), как он взаимодействует

с пассажиром в конкретной ситуации (например, пассажир курит в неполюженном месте, действия проводника).

Каждый проводник оценивался экспертами по критериям:

- 1) оцениваемый демонстрирует минимальные навыки и умение корректного приветствия пассажиров – 1 балл, не демонстрирует – 0 баллов;
- 2) оцениваемый демонстрирует минимальные навыки и умение корректного взаимодействия с пассажирами как официальный представитель компании (стиль «официально-вежливый сервис») – 1 балл, не демонстрирует – 0 баллов;
- 3) оцениваемый демонстрирует минимальные навыки и умение корректного взаимодействия с пассажирами в рамках сервиса высокой комфортности (стиль «комфортно-вежливый сервис») – 1 балл, не демонстрирует – 0 баллов;
- 4) оцениваемый демонстрирует минимальные навыки и умение различать и переключаться с одного стиля взаимодействия с пассажирами на другой – 1 балл, не демонстрирует – 0 баллов.

Предварительные выводы.

1. Несмотря на общую производственно-техническую ориентацию коллективов вагонных участков, достаточно высокий процент проводников демонстрирует готовность и способность к обучению взаимодействию с пассажирами в плане корректного сервиса.
2. «Природная» корректность и вежливость отдельных проводников является ценным ресурсом для формирования коллективов в стиле «официально-вежливого сервиса».
3. «Природная» бойкость и резкость некоторых проводников является потенциальным источником мелких конфликтов, требует специальной корректировки поведения. У данных работников присутствует в интонациях и действиях неконтролируемые элементы агрессивного, доминирующего и вызывающего поведения, что нередко приводит к конфликтам «психологической» природы. Необходимо обучать проводников сдерживать свои эмоции и вести себя корректно.
4. Необходимо разработать и внедрить стандарты взаимодействия проводников с пассажирами, а также подготовить программу обучения поведению в рамках этих стандартов.
5. Способность к обучаемости у подавляющего большинства проводников достаточна для освоения ими необходимых форм взаимодействия с пассажирами.

Литература

1. Иловайский Н.Д., Киселев А.Н. Сервис на железнодорожном транспорте: учебник для вузов. – М.: Маршрут, 2003.
2. Бородкин А. Российские железные дороги меняют имидж // Бизнес-журнал Онлайн. – 2007.

3. Нерсесян Л.С. Железнодорожная психология. – М.: Реинфор, 2005.
4. Иен Баллантайн, Найджел Пова. Ассесмент-центр. Полное руководство. – М.: Гиппо, 2008.
5. Гуревич А.М. Ассесмент: принципы, подготовка и проведение. – Санкт-Петербург: Речь, 2005.
6. Даринская В.М., Чаплыгин И.Н. Оценка и развитие персонала методом «Ассесмент-центр». – Санкт-Петербург: Речь, 2008.

Денисова И.А.

Частотно-пространственное распределение
биоэлектрической активности коры мозга при музыкальной
творческой деятельности у музыкантов

В работе представлены результаты исследования функциональных, пространственных и структурных коррелятов музыкальной творческой деятельности с целью выявления мозговых механизмов, лежащих в основе творчества. Выявлены различия в специфике спектральных характеристик мощности и характере когерентных связей у испытуемых в процессе решения творческой задачи для разных частотных диапазонов.

Ключевые слова: невербальная креативность, ЭЭГ, спектральная мощность, когерентность, частотный диапазон.

С давних пор творчество интересовало ученых всех эпох и вызывало желание создать «теорию творчества». История насчитывает огромное количество попыток найти универсальную формулу, применение которой позволило бы творить бесценные произведения искусства, создавать по заказу шедевры. Уж сколько раз пытались «мерить алгеброй гармонию»! Однако трудно сказать, что ученые смогли поставить точку в объяснении природы данного феномена. Мы можем констатировать возрастающий интерес к проблеме творчества, ее социальным аспектам (Г. Фишер), анализу когнитивных и эмоциональных составляющих креативности (Т. Любарта и К. Муширу), диагностике интеллектуальных и творческих способностей (А. Фройнда и Х. Холлинга), к проблеме соотношения интеллекта и творчества (Дж. Мейкер), к исследованиям эволюционного гения в музыке (П.А. Куличкин), психофизиологическим аспектам связи креативности с тревожностью, психологической защитой, с включенными в работу зонами мозга (И. Карлссон). На сегодняшний день все чаще появляются научные данные, описывающие результаты исследований особенностей мозговой активности во время творческого процесса в отличие от нетворческого, при решении творческих задач в зависимости от пола испытуемых, избранной ими стратегии решения задачи, типа, характера и степени сложности задач, уровня мотивации к нахождению решения (Н.П. Бехтерева, С.В. Медведев, С.Г. Данько, И. Карлсон, О.М. Разумникова, Н. Уэйнбергер, N. Jausovec, K. Jausovec, Martindale, Molle, H. Petsche). При этом стоит отметить, что особое значение приобретает изучение мозговых механизмов истинного, внутренне мотивированного творческого процесса. Таким спонтанным творческим актом является сочинение музыки. Выявление функциональных, пространственных и структурных коррелятов музыкальной творческой деятельности позволяет понять мозговые механизмы, лежащие в основе творческого процесса, найти, каким образом управлять и влиять на творческое состояние. Исследования нейрофизиологии музыкального творчества носят пока фрагментарный характер (Р.А. Павлыгина, В.И. Давыдов, А.В. Сулимов, Ю.В. Любимова, Д.С. Сахаров, Т.Д. Панюшева, К.Ж. Pallsen, E. Brattico,

C. Bailey, A. Korvenoja, J. Koivisto, A. Gjedee, N. Ann, L. Gabora, Th. Bever, R. Chiarello), в то время как научный интерес к этой сфере когнитивной науки продолжает расти. Актуальность исследования вызвана противоречием между постоянно растущим интересом к выявлению закономерностей функционирования мозга во время творческого процесса (в частности, во время невербальных форм творческой активности), с одной стороны, и недостаточным уровнем теоретической и прикладной базы психофизиологических и нейрофизиологических исследований лиц, занимающихся невербальным творчеством, прежде всего, во время самого творческого процесса – с другой. Особую сложность представляет организация эксперимента, максимально приближенного к естественному, и отсутствие однозначной интерпретации и классификации продукта эксперимента как истинно творческого.

Цель работы – исследовать особенности частотно-пространственного распределения биоэлектрической активности коры мозга при музыкальной творческой деятельности у музыкантов. Объектом исследования стали практикующие музыканты-профессионалы, имеющие профильное музыкальное образование.

Мы предположили, что при рассмотрении характеристик ЭЭГ у музыкантов-композиторов могут быть выявлены области мозговой активности, вовлеченные в процесс сочинения музыки, отличающиеся от тех, которые задействованы в реализации других видов музыкальной деятельности (восприятия, воспроизведения). В процессе исследования предполагалось решить следующие задачи: 1) изучение значения мощностей, а также когерентных связей в различных частотных диапазонах в фоне и используемых функциональных пробах: восприятие музыкального отрывка, воспроизведение услышанного музыкального отрывка, сочинение собственной мелодии, релевантной определенному эмоциональному состоянию, вызванному прослушанным отрывком; 2) проведение сравнительного анализа показателей мощностей в различных диапазонах при сравнении функциональных проб; 3) выявление специфических зон мозговой активации, присущих исключительно процессу сочинения музыки на основании сравнительного анализа показателей мощностей в различных диапазонах при функциональных проб; 4) изучение внутри- и межполушарных связей (при анализе результатов использовались только достоверные когерентные связи высокого порядка с показателем выше 0,7) при сочинении музыки и выявление специфики сочинения по этим показателям в отличие от фона; 5) проведение математической обработки данных с помощью методов математической статистики: Т-критерий Стьюдента и дисперсионного анализа MANOVA.

Для изучения функциональной организации мозга испытуемых во время выполнения музыкальной деятельности использовался метод ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась при помощи электроэнцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком» (Таганрог) по международному стандарту установки электродов по схеме 10–20 %. Для регистрации электрической

активности мозга устанавливался 21 электрод, применялась монополярная схема с ипсилатеральными ушными референтами. Так же были установлены полиграфические каналы (ЭОГ, ЭМГ, ЭКГ, КГР) с целью подавления артефактов. Исследовались следующие частотные диапазоны: дельта1 (0,5–2,0 Гц) и дельта2 (2,0–4,0 Гц), тета1 (4,0–6,0 Гц), тета2 (6,0–8,0 Гц), альфа1 (8,0–10,5 Гц), альфа2 (10,5–13,0 Гц), бета1 (13,0–24,0 Гц) и бета2 (24,0–35,0 Гц). Для анализа выбирались безартефактные отрезки ЭЭГ длительностью по 10 секунд. Во время эксперимента показатели ЭЭГ регистрировались в спокойном состоянии (фоновая ЭЭГ с закрытыми глазами) и при выполнении функциональных проб (восприятие, воспроизведение и сочинение). В начале каждого опыта 1 минуту регистрировали ЭЭГ, когда испытуемый пребывал в состоянии спокойного бодрствования с закрытыми глазами при отсутствии звуковых и зрительных стимулов (проба 1). Эти данные рассматривались как фоновые. В следующей части опыта испытуемому через наушники подавали классическую музыку фиксированной мощности (60 Дб) и в течение 1 минуты регистрировали ЭЭГ (проба 2). В эксперименте в качестве классической музыки использовался фрагмент из оперетты Штрауса «Летучая мышь», характеризующаяся мажорной эмоциональной окраской. Перед этим испытуемому предлагалась следующая инструкция: «Прослушайте музыку и постарайтесь определить, какие эмоции она у вас вызывает». В следующей пробе (проба 3) испытуемый должен был воспроизвести про себя услышанный музыкальный отрывок. Затем перед испытуемым ставилась следующая задача: «Постарайтесь сочинить собственную мелодию, чтобы она носила такой эмоциональный окрас, как и ранее услышанный вами отрывок; а после исследования будет необходимо воспроизвести придуманную мелодию письменно или устно» (проба 4). Далее испытуемому предлагался другой музыкальный отрывок из балета «Пер Гюнт» Э. Грига, характеризующаяся минорной эмоциональной окраской, с ним было необходимо проделать ту же процедуру. Для оценки качественных характеристик полученных мелодий их передавали на рассмотрение экспертов, преподавателей Ростовской консерватории имени Рахманинова. Далее анализировались ЭЭГ-данные тех испытуемых, у которых результаты третьей пробы были оценены как высококреативные.

В результате сравнительного анализа спектральной мощности ЭЭГ между показателями каждой из функциональных проб (проба 2, проба 3, проба 4) с учетом использования мелодии с определенной эмоциональной окраской выявлены области коры специфичные именно для процесса сочинения музыки в отличие от других видов музыкальной деятельности. Анализируя результаты исследования мы исходили из современных представлений дельта-диапазоне. С точки зрения ряда исследователей: Л.И. Афтанас, Н.В. Ревы, А.А. Варламова, С.В. Павлова, В.П. Махиева дельта-колебания представляют из себя не только коррелят сниженного функционального состояния (сон, патология), но и коррелят сопутствующих компонентов активного состояния [6]. Так, в процессе генерации эмоций наблюдается усиление мощности в дельта-диапазоне. В нашем исследовании наибольшие изменения мощности в дельта-диапазоне п во фронтальных отделах и окципитальных зонах.

Различные аспекты переработки музыкальной информации связаны с деятельностью многочисленных мозговых структур, одни из которых обеспечивают восприятие музыки (например, височные доли мозга функционально связаны с пониманием мелодии), а другие опосредуют развитие эмоциональных реакций (подкорковые структуры и лобные доли коры) [12].

В нашем исследовании повышение активности и значительной когерентности тета-ритма в теменно-затылочной области мы рассматриваем как отражение процесса активизации доступа и извлечения из памяти эмоциональной информации, процесс поиска новых, оригинальных решений.

Активность альфа-ритма ассоциируется с текущим функциональным состоянием человека, на которое оказывает воздействие характер музыки (её мощность, стиль). При сочинении музыки с минорной эмоциональной окраской возростала мощность во фронтальных и заднее-темпоральных зонах правого полушария в альфа-диапазоне.

В нашем исследовании повышение активности в бета1- и бета2-частотных диапазонах в префронтальной области правого полушария и окципитальной области левого полушария можно рассматривать как отражение активации творческого процесса при создании музыкального рисунка мелодии. Это подтверждается исследованиями, в которых выявлено, что правильную конструкцию языкового и музыкального синтаксиса (набора правил, определяющего надлежащее соединение элементов – нот и слов, соответственно) обеспечивает участок фронтальной коры, а другие участки отвечают за переработку связанных с ним компонентов языка и музыки. Н.П. Бехтерева также указывает, что при решении творческих дивергентных заданий в правой лобной доле (ПБ 10, 11, 44, 45, 46, 47), а также в теменно-затылочных областях слева (ПБ 67, 7, 19) прослеживалось локальное повышение кровотока [3]. В исследовании О.М. Разумниковой значительное увеличение бета2-ритма как коррелята успешного дивергентного мышления наблюдалось во фронтальных и теменных зонах. При этом наблюдается мозаичный характер организации нейронных ансамблей с диффузно-представленной синхронизацией в бета2-диапазоне, которая представляет собой коррелят «дифференцированного внимания», обеспечивающего широко распределённые по разным участкам коры процессы селекции информации, необходимые для решения проблем открытого типа – в нашем случае создания музыкального произведения [7].

В исследовании эмоционального воздействия на мозг музыкальных аккордов отмечается, что ответная реакция при восприятии минорных аккордов по сравнению с мажорными проявлялась в повышенной активности миндалины, ретроспинальной коры, ствола мозга и мозжечка. На важности ретроспинальной области в процессе обеспечения эмоций указывала и Н.П. Бехтерева [2].

В результате анализа когерентных связей между фоновыми показателями и показателями функциональных проб «сочинение музыки» выявлено, что в процессе сочинения музыки наблюдается увеличение значений внутриполушарной

когерентности в передних отделах правого полушария коры и в передних отделах левого полушария. Причем такая активация характерна для дельта-, тета- и альфа-частотных диапазонов. Подобная синхронизация тета-ритма во фронтальных регионах коры часто наблюдается в ситуациях с когнитивным усилением и нагрузкой на память [3]. В бета2-диапазоне выявлено повышение внутримушарных длинно-дистантных связей между передними и задними отделами правого полушария. Что касается межполушарного взаимодействия, то оно наиболее ярко представлено в передних отделах мозга между гомологичными отведениями в дельта2-диапазоне. Таким образом, исследования показали, что внутримушарные когерентные связи во время сочинения музыки практически равномерно распределены в обоих полушариях без значимого доминирования одной из гемисфер.

Усиление когерентных связей альфа-ритма в темпоральных и фронтальных областях у музыкантов может иметь значение активации ментальных процессов поиска. Происходит своеобразное сканирование («считывания») информации и имеет место тесная связь с механизмами восприятия и памяти.

В бета1- и бета2-частотных диапазонах динамика распределения когерентных связей следующая: выражена интеграция передних и задних областей в правом полушарии, что означает активное вовлечение в совместную работу париетальных, окципитальных и темпоральных областей.

Ослабление функциональных связей между полушариями у музыкантов может также указывать на более независимую работу полушарий, на раздельную обработку информации на этапе решения невербальной творческой задачи. В исследовании Н.П. Бехтеревой, Ж.В. Нагорновой так же, как и в нашем исследовании, выявлена независимая и параллельная работа полушарий в процессе невербального творчества. Авторы полагают, что уменьшение когерентных связей в высокочастотных диапазонах ЭЭГ между полушариями при выполнении творческих заданий указывает на уменьшение влияния левого (контролирующего) полушария в процессе невербального творчества [2]. Это предположение подтверждает и выявленное в нашем исследовании снижение когерентности биопотенциалов коры мозга в левом полушарии.

Стоит отметить, что число значимых когерентных связей в левом полушарии при сочинении мажорной мелодии значительно больше, чем в правом, что отражает паттерн ЭЭГ-активации, характерный для переживания положительных эмоций, которые присутствуют в процессе создания мелодий с мажорной эмоциональной окраской.

Таким образом, как специфику музыкального творческого процесса можно констатировать независимое, но параллельное активное функционирование полушарий при музыкальной творческой деятельности. При этом наибольшее значение приобретают фронтальная, темпоральная и окципитальная области коры, выполняя интегрирующие функции организации процессов внимания, эмоциональной регуляции и стратегий решения проблемы в целом.

Литература

1. Базанова О.М, Афанас Л.И. Индивидуальные показатели альфа-активности электроэнцефалограммы и невербальная креативность // Рос. физиол. журнал им. И.М. Сеченова. – 2007. – № 93(1). – С. 14–26.
2. Бехтерева Н.П., Нагорнова Ж.В. Динамика когерентности ЭЭГ при выполнении заданий на невербальную (образную) креативность // Физиология человека. – 2007. – Т. 33. – № 5. – С. 5–13.
3. Вольф Н.В., Тарасова И.В., Разумникова О.М. Половые различия в изменениях когерентности биопотенциалов коры мозга при образном творческом мышлении: связь с эффективностью деятельности // Журнал высшей нервной деятельности. – 2009. – Т. 59. – № 4. – С. 429–436.
4. Денисова И.А. Психофизиологический взгляд на творчество. Мозговые корреляты музыкального творчества // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – СПб., 2010. – Т. 5. Психология. – № 4. – С. 99–108.
5. Дикая Л.А. Нейрофизиологические корреляты музыкальной творческой деятельности // Сибирский психологический журнал. – Томск, 2010. – № 36. – С. 46–52.
6. Панюшева Т.Д. Музыкальный мозг: обзор отечественных и зарубежных исследований // Асимметрия. – 2008. – Т. 2. – № 3.
7. Разумникова О.М. Индивидуальные особенности полушарной активности, определяющие успешность решения эвристической задачи // Асимметрия. – 2009. – Т. 3. – № 1. – С. 37–50.
8. Разумникова О.М., Вольф Н.В., Тарасова И.В. Стратегия и результат: половые различия в электрографических коррелятах вербальной и образной креативности // Физиология человека. – 2009. – Т. 35. – № 3. – С. 31–41.
9. Старченко М.Г. Различия в мощности ЭЭГ у высоко и низкокративных испытуемых // Четвёртая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докл. Томск, 22–26 июня 2010 г. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – Т. 2. – С. 537–538.
10. Carlsson I., Wendt P., Risberg J. (2000). On the neurobiology of creativity. Differences in frontal activity between high and low creative subjects // *Neuropsychologia* 38:873–85.
11. Dietrich A. The cognitive neuroscience of creativity. *Psychon. Bull. Rev.* 11(6): 1011–1026. 2004.
12. Jausovec N, Jausovec K. (2000) EEG activity during the performance of complex mental problem. *Int J Psychophysiology* 36(1):73–88.
13. Jung-Beeman M., Bowden E.M., Haberman J., Frymiare J.L. et al. Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*. – 2004. – № 4. – P. 0500–0510.
14. Martindale C., Hines D. Creativity and cortical activation during creative, intellectual and EEG feedback tasks // *Biological Psychology*. – 1975. – V. 3. – P. 71–80.
15. Petsche H. (1996) Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis. *Int. J. Psychophysiology* 24 (2):145–159.

Сведения о порядке подачи публикаций

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электр. виде в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются лишь в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т.д.)

Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

В рубрику «Молодые ученые» принимаются статьи аспирантов объемом 4-6 страниц без оплаты.

К статье прилагаются резюме объемом не более 0,5 стр. и ключевые слова, а также сведения об авторе (фамилия, имя и отчество, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, телефон, фотография в электронном формате TIF с разрешением не менее 300 dpi, либо фотокарточку размером не менее 10x15 см).

Материалы, направляемые в редакцию, должны быть представлены на двух языках: русском и английском (после допуска статьи к печати).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243,
Редакция журнала «Российский психологический журнал».
Тел. +7(863)243-15-17; факс +7(863)243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2011

ТОМ 8 № 5

Сдано в набор 05.12.11. Подписано в печать 20.12.11.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,68. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ № 97/11.

Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru